

Наталья Александрова

Призрак черного озера

Роковой артефакт

Наталья Александрова
Призрак черного озера

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Призрак черного озера / Н. Н. Александрова — «Издательство АСТ», 2019 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-113091-6

Отечественная война 1812 года. Отряд французских солдат выполняет секретное поручение: по непонятной причине им необходимо немедленно избавиться от награбленных трофеев Императора, вот только ответственные солдаты бесследно пропадают, как и ящики с неизвестными артефактами. С той поры прошло более двух веков, но утерянные сокровища Наполеона не дают покоя кладоискателям, и вряд ли бизнесмен Матвей Громов мог предугадать, во что его втянет искреннее желание исполнить свою детскую мечту. Что же такое особенное спрятали французы на дне озера и какое отношение имеет загадочный трофей к прошлому Матвея? Ранее книга издавалась под названием «Клад Наполеона».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113091-6

© Александрова Н. Н., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Наталья Александрова

Призрак черного озера

– Клюет! – Лешка, закусив губу от волнения, плавно повел удочку вправо, подсек и дернул.

Удочка разогнулась, звонко запев, как скрипичная струна, на солнце сверкнула серебряная змейка, забила на траве.

– Окунь! – завистливо проговорил Санек. – Везет тебе даже. Четвертого окуня вытаскиваешь, а у меня не клюет и не клюет даже... ты, наверное, секрет какой-нибудь знаешь...

– Конечно, секрет! – Лешка ухмыльнулся, осторожно вытаскивая крючок, и гордо показал приятелю крупного яркого окушка, жалобно разевающего рот. – Ты на червяка плевал, перед тем как его на крючок насадить?

– Плевал! – вздохнул Санек. – Конечно, плевал... и на левой пятке крутился даже, а все впускаю...

– Ну, тогда не знаю... наверное, тебе сегодня просто не везет... – Лешка насадил окуня на ивовую ветку, где уже трепыхались три рыбки, и вдруг махнул рукой. – Эй, смотри, у тебя клюет!

– Ой, правда! – Санек уставился на поплавок, который качнулся и ушел под воду. – Большой даже... только бы не сорвался...

Лешка посмеивался над Саньком – над его городскими привычками, над бледной веснушчатой физиономией, над этим словечком «даже», которое приятель вставлял к месту и не к месту. Однако они всегда вместе ходили на рыбалку, вместе копали червей на теткин огороде, вместе отбивались от соседских мальчишек – а что еще нужно в одиннадцать лет, чтобы быть лучшими друзьями?

Вся их беззаботная жизнь кончилась давно, три года назад, когда началась война и в их деревню пришли немцы. Сашку привозили из города к бабке каждое лето, и тогда тоже привезли. А потом немцы отрезали обратную дорогу, и уехать к своим они с бабкой не успели. Так и жили почти три года, перебивались огородами.

Немцы в их деревне особо не лютовали, один раз только высекли Пашку Сидорова за то, что он гранату пытался украсть. Открыли церковь, взрослое население заставляли работать в поле. Партизаны в районе, конечно, были, да только к ним не забредали, деревня в стороне стояла и от железной дороги, и от проезжих дорог.

В последнее время немцы забеспокоились, видно, несладко им на фронте приходилось. Увозили в Германию всех, кого в сорок втором не угнали. Другим сравнялось по четырнадцать годков. Лешка был маленький и щуплый, ледящий, как говорила Сашкина бабка. А ее внук, напротив, вымахал ростом, в плечах был широк, говорил едва не басом. Бабка боялась, что его заберут на принудительные работы, и велела мальчишкам не показываться немцам на глаза. Поэтому рыбу они ловили не в деревенской речке, а на дальнем озере, и пробирались домой поздно, преимущественно огородами.

Санек замер, не выпуская удочку из рук и не сводя взгляд с поплавка. Однако поплавок мелькнул еще раз, ушел под воду и больше не показывался на поверхности.

– Большой, наверное, даже... – без уверенности в голосе повторил мальчишка.

– Сам ты большой! – передразнил его приятель. – За корягу зацепилось, наверное...

– Придется нырять... – тяжело вздохнул Санек.

Вода была еще холодная, только недавно стоял лед. Сашка стащил через голову тут и там заплатанную бабкой рубашку и взялся за резинку штанов.

И тут они услышали невдалеке шум мотора. Лешка повернулся в ту сторону и прислушался.

– Немцы! – тихо сказал он.

– Врешь! – неуверенно ответил Санек. – Какие немцы? Откуда им тут взяться даже?

Место было тихое, заповедное, ни дороги рядом, ни самой захудалой деревеньки. Мальчишки добирались сюда едва заметными лесными тропами, в первый раз едва не заблудились.

Лешка прыгнул на камень, высовывающийся из воды, и снова прислушался. По воде звук разносился далеко, он явственно различил немецкую речь.

– Пойдем посмотрим! – предложил он. – Интересно, что им тут надо?

– Ты что... – испугался Санек, – а если заметят?

– Не заметят, – отмахнулся Лешка, – мы тихонько...

Несмотря на маленький рост и шуплость, он был в их дуэте главным, и Санек всегда его слушался. Но на этот раз он вспомнил строгий наказ бабки и помедлил.

– Струсил, да? – усмехнулся Лешка.

– Ничего и не струсил даже! – обиженно пробормотал Санек и грустно оглянулся на запутавшуюся леску. Было жаль крючка, когда еще проволоку достанешь?

Лешка уже продирался вдоль берега, стараясь не шуметь и не сильно дергать кусты. Приятель бросился за ним.

Через минуту Сашкина лопухая голова показалась над кустами и пропала. Дальнейший путь приятелей можно было проследить по едва шевелящимся прибрежным зарослям.

Голоса немцев становились все ближе, но берег озера был тут извилистый, густо поросший кустарником, поэтому увидеть приятели ничего не могли. Лешка сделал несколько шагов и вдруг застыл на месте. Санек с разбегу налетел на него.

– Тише ты! – раздраженно зашептал Лешка. – Тут они, почти рядом. Хорошо, что собак нету, а то мигом бы нас учуяли...

Очень осторожно он высунул голову из куста.

Немцы суетились на берегу возле катера. С него на довольно высокий берег были переброшены две доски, и по этим доскам двое солдат в немецкой форме носили железные ящики, выкрашенные темно-зеленой краской. Еще трое оставались на берегу, держа под прицелами автоматов лес, подходивший к самой воде. Распоряжался солдатами капрал с повязкой на рукаве, а чуть в стороне стоял долговязый офицер, показавшийся Лешке знакомым.

Немец был худой и очень высокий, ходил ссутулившись, смешно загребая ногами, мальчишки прозвали его Глиста в мундире.

– Вот интересно, что это Глиста тут делает... – одними губами прошептал Лешка.

Подошли еще двое солдат с автоматами, один доложил что-то офицеру. Тот заторопился, хлопнул по последнему ящику и прыгнул на катер.

– Куда это они? – спросил Санек. – На тот берег, что ли? Так там и жилья-то никакого нету...

– А я знаю? – огрызнулся Лешка.

Когда он чего-то не понимал, то становился очень сердитым.

Немцы, однако, отплыли недалеко. Катер встал носом к ветру, и мальчишки увидели, что с левого борта в воду упали темно-зеленые ящики. Немец по прозвищу Глиста проводил их глазами и записал что-то в маленькую книжечку.

После чего катер круто развернулся и скорым ходом пошел к берегу. Долговязый офицер выпрыгнул первым и зашагал от берега к лесу, его сопровождали четверо солдат. Остальные трое под командой капрала направились к катеру.

Санек переступил ногами и едва не упал, ухватившись за куст. Из-под ноги вырвался камень и упал в воду с глухим плеском.

Немцы заметили движение в стороне, раздалась резкая команда, и рядом с мальчишками зажужжали пули. Лешка испуганно плюхнулся на мокрый песок и застыл, прикрыв голову

руками, преодолевая дикий страх и желание бежать сломя голову, бежать куда угодно, только бы не слышать автоматных очередей и свиста пуль. Санек, как всегда, последовал его примеру.

На самом деле немцы ничего не заметили, стреляли на всякий случай, для порядка. К тому же они очень торопились, так что капрал дал команду прекратить стрельбу.

Они делали еще что-то на берегу, но приятели валялись на песке ни живы ни мертвы от страха. И когда все стихло, Лешка отважился поднять голову только через полчаса.

Возле самого берега торчал полузатонувший катер, по воде расплывалось масляное пятно. На берегу никого не было, немцы ушли, очевидно, там, в лесу, их ожидала машина.

Мальчишки несмело подошли к самому берегу. Катер потихоньку уходил под воду, вот уже видна только крыша рубки, вот и она пропала, только круги разошлись по воде.

– Посмотреть бы... – неожиданно сказал Санек, – может, что нужное там есть...

Ему не давала покоя пропавшая удочка. Удилищ-то сколько хочешь можно найти, а вот где взять леску и проволоку для крючка?

– Ну, ныряй... – на этот раз в Лешкином голосе звучала неуверенность, – тут неглубоко...

Санек оглянулся на лес, там было пусто и тихо. Немцы вряд ли вернуться, что им тут делать...

И он решительно скинул свою одежку и ринулся в воду. Катер к тому времени полностью ушел под воду, так что Лешка с берега ничего увидеть не мог. Солнце зашло за облачко, и ему внезапно стало холодно и очень неудобно. Приятель появился из воды очень скоро.

– Там... – выкрикнул он, отплевавшись. – Там что-то есть даже...

– Что там может быть! – нарочито небрежно сказал Лешка. – Пойдем отсюда, Сашка!

– погоди! – буркнул Санек, он вдруг уразумел, что Лешка чего-то боится, и ему очень понравился такой расклад. Если Лешка боится, а он, Сашка, нет, то теперь он среди них двоих главный. – Там что-то интересное даже...

– Врешь ты все! – В Лешкином голосе недоверие смешалось со страхом, но Санек уже ушел под воду.

Лешка беспокойно следил за тем участком поверхности, куда нырнул его приятель.

Санек не выныривал удивительно долго, так что Лешка уже решил наплевать на все страхи и стащил рубашку, собираясь нырнуть на помощь приятелю. Но тут вода с плеском разошлась, и на поверхности снова показалась голова Санька. Глаза его были выпучены, как у рыбы, а лицо совсем белое, как неживое.

– Там... – прохрипел он, закашлявшись, – там...

– Ну что там? – закричал Лешка и тряхнул приятеля за плечи.

– Там... там моторист дядя Гриша... Они его к рулю привязали и утопили...

Дальнейшего Лешка не слышал. Он неслся прочь от этого ужасного места, поднимая тучи брызг и песка. Санек не отставал и даже обогнал его на повороте.

– Пойдем, однако... – Андрей потянулся всем своим сильным телом, под загорелой кожей заиграли рельефные мускулы, – надо денежки отрабатывать...

– Какие это деньги, – скривился Витька, – одни слезы...

– Какие ни на есть, а если аванс взяли, нужно его отработать.

– Ни фига мы опять не найдем, – Витька смачно плюнул в воду, отчего Надю передернуло, – зря только полощемся...

– Не хочешь – я пойду! – не выдержала Надя. – А ты тут загорать станешь...

– Ты? – Витька демонстративно заржал как лошадь. – Ты что – плавать умеешь?

И ведь прекрасно знает, что она умеет плавать и нырять с аквалангом! Делала это не один раз, причем не в Хургаде училась, где просто устраивают аттракцион для туристов, а прошла специальные курсы по дайвингу и плавала даже на Сейшелах! Но Витька упорно делает вид, что она тут никто и звать никак, просто девочка на побегушках. Они-то профессионалы, это Надя признает.

Витька служил три года на Дальнем Востоке, там и научился профессиональному дайвингу. Рассказывал, как много всякой живности в Тихом океане, какие огромные там крабы и как местные жители собирают трепангов и продают их китайцам. А те делают из них какое-то ценное лекарство и продают, в свою очередь, американцам. И все довольны, только государство отчего-то обижается, потому что ему с этого ничего не достается.

А Андрей вообще человек таинственный. Про себя ничего не рассказывает, однако видно, что много повидал он за свою молодую жизнь. Много он умеет, оборудование достал тоже он и считается в их группе старшим. Все его слушаются, даже Витька с его полублатными замашками и соленым морским жаргоном.

– Помогите! – Андрей надел акваланг и повернулся к Витьке, тот понял, что разговоры кончились, и тоже стал облачаться.

– Ну, не скучай, Надежда! – Андрей закусил загубник и аккуратно вошел в воду спиной.

– Голову закрой! – буркнул Витька. – Последние мозги высушишь!

И на том спасибо, обычно он гораздо грубее.

Понтон мягко качнулся, по воде пошли пузыри, и скоро все стало тихо. Надя подняла голову и поглядела на небо сквозь темные очки. Сегодня будет ясно, впрочем, как и в предыдущие дни. Отличный выдался июль, ни одного дождя. Вода в озере теплая, можно плавать без гидрокостюмов.

Надя привычно оглядела озеро. Небо отражается в воде, оттого она кажется неестественно голубой. И бегут по ней ослепительные солнечные блики. А ветра почти нету. Ох, жарко будет сегодня... Но Надя не боится солнечных ожогов. Кожа у нее смуглая, никогда в жизни не подгорала на солнце.

Она привстала и посмотрела на дальний берег в старый морской бинокль. Там хороший пляж с чистым песочком, стоят ровными рядами полосатые зонтики и кабинки. Это санаторий, называется, кажется, «Солнечный берег». Сейчас на пляже никого нет – рано, отдыхающие еще завтракают, потом на процедуры медицинские пойдут. Андрей оттого и выгоняет их нырять пораньше, чтобы меньше было любопытных глаз вокруг. Все же действуют они неофициально, никакого разрешения у них нет...

Они ищут клад... Даже сейчас Надя не смогла сдержать улыбку. Как-то это все несерьезно, выражение из старых детских книжек. «Остров сокровищ», «Приключения Тома Сойера», «Али-Баба и сорок разбойников»...

Но ребята настроены серьезно, заказчик убедил их, что клад в озере должен быть. Якобы в войну немцы при отступлении затопили здесь какие-то железные ящики. Что в них – никто не знает.

«Нас это не касается, – твердит Андрей, – если найдем, мы их и вскрывать не станем. Мало ли что там может быть... Это дело хозяина, пускай он ответственность за все несет».

А им надо те ящики найти. Или доказать, что их нет. Но не станешь же все озеро обшаривать, этак и нескольких лет не хватит. А у них всего месяц, да и тот кончается.

В санатории «Солнечный берег» по утреннему времени было удивительно тихо. Отдыхающие еще только собирались на завтрак. На пустынном пляже в укромном уголке появилась необъятных размеров тетенька. Она специально приходила купаться пораньше, потому что стеснялась своих внушительных габаритов. Когда она стягивала через голову яркий ситцевый сарафан, на который пошло, верно, больше материи, чем на двuspальный пододеяльник, на пляже возникло еще одно лицо. Это был скромного вида мужчина, явно пенсионного возраста. Мужчина купаться не собирался. На нем были летний льняной костюм и примятая кепочка. В руке мужчина держал складной парусиновый стульчик, на груди его висел отличный цейсовский бинокль. Опасливо оглянувшись на тетку, мужчина бочком проскочил к вышке для ныряния. Вышка осталась со старых добрых времен, когда пляж санатория был значительно больше, озеро глубже, и можно было прыгать с вышки в воду, не боясь удариться о дно.

Мужчина осторожно поднялся по шатким ступеням и затих на самом верху.

Тетенька сняла наконец свой яркий сарафан и осталась в купальнике, таком же ярком, только еще в крупных розах. Затем она сбросила розовые пляжные тапочки и пошла к воде, оставляя на песке неприлично глубокие следы.

По утреннему времени вода была прохладная. Толстуха счастливо взвизгнула и погрузилась в воду, отчего к берегу пошли волны, как будто мимо проплывал моторный катер. Мужчина на вышке невольно усмехнулся и подумал словами из известного анекдота, что во время такого купания на другом берегу непременно наводнение будет.

Тут подошли к пляжу две неразлучные подружки – Валя и Галя. Они быстренько управились с завтраком и решили прогуляться, чтобы выгнать лишние калории. Подружки были крепкие веселые дамочки в районе сорока пяти. Как известно, сорок пять – баба ягодка опять. Подружки вполне подходили к этому тезису.

Валя, чуть пухловатая блондинка с белесыми бровями и ресницами, любила романтические наряды с воланами и рюшечками, конфеты «Птичье молоко» и песни Димы Билана.

Галя, напротив, повыше и похудее, коротко стригла жесткие черные волосы и ярко красила большой рот. Одевалась она подчеркнuto спортивно, сладкое вообще не любила, предпочитала мясо, причем очень уважала шашлыки на природе. В кишечно-желудочный санаторий «Солнечный берег» она поехала за компанией с подругой – подвернулась недорогая путевка.

На пляже никого не оказалось, и это подружек несколько огорчило. Днем в санатории вообще было скучновато, все больные при деле – кто воду пьет, кто ванну лечебную принимает, кто физиотерапию, кто доктору на болезни жалуется. Вечером – совсем другое дело, вечером в столовой устраивались танцы под магнитофон, вот только с кавалерами в санатории была напряженка.

Валя разочарованно вздохнула и уставилась на воду, где плавала голова в розовой купальной шапочке. Галя, однако, своим длинным носом учуяла мужчину.

– Михаил Бори-исович! – позвала она грудным завлекательным голосом. – Что это вы там делаете?

Скромный дядечка на вышке долго делал вид, что не слышит выкриков.

– Михаил Борисыч! – присоединилась к подружке Валя. – Ау!

– А вот мы сейчас сами поглядим! – Галя решительно шагнула к вышке.

Надо думать, Михаил Борисович испугался, что шаткая конструкция не выдержит троих. Так или иначе, он свесился с вышки и хоть сдержанно, но приветствовал подружек.

– Михаил Борисович! – повторила Валя, задрав голову и щурясь на солнце. – Что это вы делаете на вышке каждое утро? Да еще с биноклем? Окрестностями любуетесь? Или подсматриваете за кем-нибудь?

– Что вы, дамы, – Михаил Борисович немного натужно рассмеялся, – за птичками наблюдаю. Там серая цапля в камышах иногда появляется, и еще выпь...

– Как интересно! – Валя захлопала белесыми ресницами. – А мы что-то никого не видим...

– А они шума не любят, попрятались все... – ответил Михаил Борисович.

Намек был настолько прозрачен, что подружки попятнулись.

– Ага, за птичками он наблюдает, – вполголоса сказала Галя, когда подружки отошли на некоторое расстояние от вышки, – небось любитесь, как Марья Ивановна купается.

– Да? – восторженно воскликнула Валя. – Ой, и правда... – разочарованно протянула она, увидев розовую резиновую голову в воде. – Ты думаешь, у них серьезно?

Галя подобрала камешек и ловко метнула его в воду. Камешек запрыгал по воде, делая «блинчики».

– Раз, два, три... – считала Галя.

До розовой головы камешек не допрыгнул. Толстуха в воде ничего не заметила.

Надя бросила на дальний берег последний взгляд. Ей показалось, что там что-то ярко блеснуло. Хотела рассмотреть получше, но в это время с ближнего берега донесся свист. Это Костик вышел к озеру посуду мыть после завтрака. Надя улыбнулась. Костик бросил в воду кастрюлю и жестами спросил, как дела. Она опустила вниз большой палец – мол, все в порядке, ребята ищут, я стерегу.

Она попала в эту компанию из-за Костика, они в свое время учились в одном классе. И тут в мае он позвонил и сказал: «Надюха, есть дело. Можно неплохие бабки срубить за, в общем-то, непыльную работенку».

Надя тогда заколебалась, и Костик правильно понял ее молчание. Костик у них в классе считался парнем не то чтобы опасным, но сомнительным. В институт он не поступил, от армии откосил, перебивался мелкими заработками, часто исчезал из поля зрения бывших одноклассников и загадочно отмалчивался, когда его спрашивали, где был. Но деньги у него водились.

При непосредственной встрече Костик признался, что криминал в будущей работе есть, но совсем небольшой. Просто надо кое-что достать для одного человека со дна озера.

Глубина там небольшая, метров семь-восемь, может, и того меньше. Да Надю это и не должно волновать, потому что ее нанимают не нырять с аквалангом, а совсем для другого. А именно: она, как человек, разбирающийся в гидрологии, в подводных течениях и разных процессах, должна как можно точнее очертить место поисков. Потому что известен только факт затопления ящиков, но само место весьма неопределенно. Никакого буйка там, разумеется, не ставили и никак это место не поместили. Те, кто сбросил ящики в воду, отплыли на лодке. Может, для себя кто-то из немцев и записал направление, скорость катера и точное время, но тот, кто видел это со стороны, мог сказать только приблизительное место и направление. Да еще помнил, что катер был старый, мотор все время кашлял и давал вполовину меньше скорости, чем мог бы. Немцы бросили его потом чуть в стороне, взорвав предварительно мотор. Катер подняли после войны местные жители – время было тяжелое, любая техника, даже поломанная, на вес золота. Пробоины наскоро подлатали, мотор новый поставили – и еще лет десять тот катер по озеру ходил, людей возил на дальние покосы.

Из этих скудных сведений Надя сумела вычислить направление и приблизительные координаты. Но круг поисков все равно получился достаточно широким.

Они выехали на озеро в первых числах июля – трое парней и она. Андрей ей понравился – сильный, решительный, немногословный. Он глянул на нее мельком и сказал всем, что во время работы объявляется сухой закон, даже пива нельзя. Курил из всех только Костик, он с аквалангом не был знаком, его взяли водителем и кашеваром. Кому-то приходилось стеречь лагерь, потому что место хоть и глухое, деревень поблизости нету, однако мало ли кто забредет на огонек. А потом машины не досчитаешься, опять же оборудование у них ценное.

– И никаких гулянок! – твердо сказал Андрей. – Это все потом, когда дело закончим.

Витька тогда только хмыкнул и обшарил Надю наглым взглядом. И через два дня подстерег ее вечером на тропинке, когда шла она умываться к озеру.

– Пойдем прогуляемся, – сказал он, возникнув неслышно из-за густых кустов.

– Отвали, – процедила Надя, с ненавистью глядя в его наглые глаза. Он был в тельняшке с оторванными рукавами, все руки в наколках. Были там якоря, русалки и морские змеи.

Витька усмехнулся и схватил ее за грудь, она тут же залепила ему пощечину. Точнее, хотела, но он перехватил ее руку. Она пнула его под коленку, но легкие босоножки не нанесли ему особого вреда. И вот когда Надя уже собиралась заорать, на тропинке появился Андрей. Наде было ужасно стыдно – вдруг он подумает, что она сама дала повод. Но Андрей все понял правильно. Он положил Витьке на плечо тяжелую руку и давил до тех пор, пока Витька не опомнился.

– Виктор, я же просил, – сказал Андрей.

Сказано было это таким тоном, что Витька трусливо попятился.

– Да нужна она мне больно! – Он сплюнул на сухие сосновые иголки и ушел. Андрей тоже удалился, не сказав Наде ни слова.

С тех пор Витька, надо полагать, затаил на нее злобу. Он цеплялся к ней по пустякам, грубил по поводу и без повода, подставлял по мелочи. Надя делала вид, что ее это не волнует, хотя иногда хотелось все бросить и уехать. Останавливало ее только чувство долга – обещала отработать месяц, неохота подводить ребят, вдвоем они не справятся. К тому же у нее своя собственная работа.

Надя с детства любила воду. Не тоненькую ржавую струйку, текущую из крана, и не воду из бассейна, сильно пахнущую хлоркой, она любила воду живую.

Любимой забавой в детстве было наблюдать весной, как тает снег и веселые ручейки, журча, бегут по дорожкам, сливаясь понемногу в широкий поток.

Она любила медленные тенистые речки, где берега поросли черной смородиной и деревья склоняются к воде низко-низко, так что вода под ними кажется черной.

Любила Надя лесные озера, маленькие, но глубокие, где дно зыбкое и не растет по берегам ни трава, ни камыш, потому что вода в озере темная, торфяная, и от купания в такой воде мгновенно заживают любые порезы и ссадины.

Она любила также озера большие, северные, где иногда и берега-то противоположного не видно, где ходят не только катера и лодки, но и большие корабли. Природа там суровая – сосны да камни, зато если устроится сам собой маленький песочный пляжик, то чище и белее того песка нет нигде на свете. Любила Надя плавать на лодке среди камышей и кувшинок, наблюдать за жучками-водомерками, хлопотливо снующими по поверхности воды, следить, как нарядные изумрудные стрекозы присаживаются на лист, чтобы тут же сорваться с него и закружиться в прозрачном воздухе.

И еще Надя любила море. Ласковое и теплое, как на юге, серое и холодное, как на севере. Любила волны с крутыми белыми барашками, накатывающие на борт теплохода, и дельфинов, вынырывающих наперерез этим волнам. Любила темную тишину под водой, когда не можешь наглядеться на красоту того странного, удивительного мира и чувствуешь себя Ихтиандром, и только рыбы проплывают мимо, посылая немой привет.

В общем, Надя любила живую воду, оттого и выбрала профессию гидролога. Оставался последний курс, потом диплом. Тут-то и перехватил ее Костик. Она согласилась быстро – хотелось провести месяц на озере, да и деньги были нелишние.

Рассчитав первичное направление, Надя стала просто проводить время на понтоне, который выводили Андрей с Виктором каждое утро на условленное место. Поиски не давали ничего, и понемногу Витька становился все злее. Андрей тоже мрачнел, вечерами подолгу говорил о чем-то с Матвеем, их заказчиком, и однажды Матвей привез документы. Там оказалась гидрологическая карта рельефа озера, подробные очертания берегов. Имелись даже промеры глубин. Документы эти он раздобыл в Институте озероведения, что находился раньше на Петровской набережной в Петербурге. Потом там сделали Дворец бракосочетаний, Надя была там на свадьбе старшей двоюродной сестры Веры. Вскоре красивое здание отобрали у брачующихся, чтобы устроить резиденцию представителя президента по Северо-Западному округу.

Матвей с трудом выяснил, куда делся Институт озероведения, а уж раздобыть карту стало делом техники и малого количества денег.

Карта оказалась старая, еще довоенная, тогда озеро было гораздо больше, и прорабатывался проект о превращении его в судоходное. Вот гидрологи и провели предварительные исследования.

Надя долго изучала карту, потом сделала свои собственные промеры, подсчитала среднюю скорость подводных течений и дала однозначные рекомендации: искать следует гораздо правее первоначально установленного места.

Матвей поглядел на нее с сомнением, а Витька – с откровенной издевкой. Но при хозяине не позволил себе никаких хамских выпадов. Мнение Костика в расчет не брали, так что поддержал Надю только Андрей.

– Попробуем, – сказал он, как обычно коротко.

Матвей согласился, и Витька прикусил язык.

И вот уже почти неделю они ищут на новом месте. И ничего, и ничего, и ничего, если вспомнить известный старый анекдот.

Надя тяжело вздохнула, в который раз перебрав в голове свои вычисления. Выходило, что все она сделала правильно. Так, может, и нету там на дне никаких ящиков? И никогда не было. Или кто-то сумел достать их раньше...

«Кто – немцы? – услышала она ехидный голос. – Так им не до того было... А впрочем, всякое случается...»

Внезапно веревка, привязанная к якорю, сильно дернулась. Это значит, что кто-то из ребят всплывает на поверхность. Надя встревожилась – еще не время, так не случилось ли чего? Акваланг повредился или кто-то ногу пропорол? Хищных рыб, слава тебе господи, тут не водится – не море-океан...

Из воды показалось лицо в маске, Надя узнала Витьку.

– Надюха! – сказал он, выплюнув загубник. – Надюха!

Он сдернул маску и бросил ее на понтон.

Глаза его были выпучены не хуже, чем у рака.

– Неужели? – Надя прижала руки к колотившемуся сердцу. – Неужели... нашли?

– Нашли! – Витька счастливо засмеялся. – Один ящик точно есть, а пока я здесь, Андрюха еще один откопает... Там илом все занесло – страшное дело! Ни фи́га не видно...

Послышался всплеск, и метрах в десяти от понтона всплыл буюк, который Андрей прикрепил к найденному ящику.

– Лебедку готовить надо! – Виктор без акваланга бросился в воду и поплыл к берегу.

Надя надела его акваланг и спустилась вниз. Сначала сквозь толщу воды были видны солнечные блики, потом ее окружила мутная илистая взвесь. Как ни старались, Андрей с Виктором поднимали со дна несметное количество ила. Темная фигура шевелилась в мутной воде. Надя поплыла навстречу и ощупала край большого железного ящика, затем попыталась отчистить его от ракушек и наслоений. «Неужели это то самое?» – вертелось у нее в голове.

Через некоторое время Андрей знаками дал понять, что ему нужно вверх. Надя согласно кивнула и взяла его фонарь. Он всплыл на поверхность, она осталась одна. На дне выступали очертания ящика примерно метр длиной. А ведь их было несколько.

Надя отплыла в сторону и поглядела на то место. Показалось ей или нет, но метрах в трех есть еще один едва заметный холмик? Тихими, осторожными движениями она стала разгребать ил – и вот он, край еще одного ящика.

Когда спустился Андрей с тросами, она с гордостью предъявила ему свою добычу. Лебедку доставили к понтону на надувной лодке Костик с Виктором.

Они провозились с подъемом груза довольно долго, а когда подцепили первый ящик, под ним обнаружился еще один, поменьше. На этом сюрпризы закончились.

Итог впечатлял – они нашли клад, три железных ящика, брошенных немцами в озеро больше шестидесяти пяти лет назад. Если не считать ужасающего внешнего вида, ящики сохранились прекрасно – не помялись, не дали течи...

Андрей позвонил заказчику, Матвею, тот обещал быть вскорости. Они перевезли ящики на берег, разобрали понтон, хотя просто падали от усталости.

Витька валялся на вытоптанной траве у кострища и любовно поглаживал большой, отчищенный от наслоений ящик. Костик открывал банки консервов. Андрей паковал оборудование, он сказал, что они не останутся тут на ночь. Надя ушла в свою палатку, внезапно ей захо-

телось прихорошиться. Матвей сказал, что привезет бутылку шампанского, а разве можно пить шампанское с такими торчащими во все стороны волосами и в старой выгоревшей майке?

Она оставила полог открытым, чтобы было больше света, и еще ей хотелось почаще глядеть на сильную, мускулистую фигуру Андрея. Показалось ей или нет, что там, на дне озера, он поглядел на нее с необычным для него интересом?

Так или иначе, жизнь прекрасна. Она улыбнулась самой себе в зеркальце и тихонько запела.

Матвей вывернул руль, съехал с проселка. Джип, подпрыгивая на ухабах, покати по пологому склону, лавируя среди золотистых стволов редко разбросанных сосен.

Старожилы называли это место Горелой поляной. Бог знает когда здесь отбушевал лесной пожар, от него не осталось уже никаких следов, а название прилепилось намертво. Сюда, на Горелую, дед водил в детстве маленького Матюшку за грибами и ягодами, учил его различать лесных птиц по голосам. В хорошие годы подосиновики здесь можно было косой косить.

Родители мало занимались маленьким Матвеем, можно сказать, совсем не занимались. Да оно, может, и к лучшему: отец пил, не просыхая, мать с утра до ночи работала – то в колхозе, то на огороде, а когда у нее выпадала свободная минута, прилипала к экрану телевизора, по которому шла какая-то розовая мура из мексиканской жизни.

Зато дед все свое свободное время проводил с любимым внуком. Дед любил проводить время на вольном воздухе, терпеть не мог копаться в огороде.

Как-то, продираясь через подлесок, они вышли к берегу озера. Тогда дед и рассказал Матвею, как во время войны, совсем мальчишкой, он прятался в кустах и наблюдал за странными действиями немцев. Под командой долговязого очкастого офицера они грузили в лодку какие-то железные ящики. Закончив погрузку, отплыли подальше от берега и сбросили эти ящики в воду.

Этого офицера дед и до того случая часто видел: он ходил по окрестным деревням и задавал странные вопросы – не про партизан, не про родственников в армии, а про старые времена, про тех людей, что жили здесь до революции. Немец был со странностями, но невредный – увидев какого-нибудь мальчишку, он манил его пальцем и кричал: «Ком, ком!» – после чего тому, кто не боялся приблизиться, доставалась конфета в яркой блестящей обертке.

– Я про тот случай никому не рассказывал, – добавил дед, – только мы с Сашкой про это знали. А потом, когда уже война кончилась и Сашку увезли, попробовал нырнуть на том месте. Только где уж мне! Там очень глубоко, и вода мутная – ничего не видно! Наглотался воды, едва не утонул...

Дедов рассказ запал маленькому Матвею в душу. Ему потом много лет снился один и тот же сон: он плывет под водой, среди рыб и водорослей, и вдруг видит впереди наполовину заросший илом железный сундук. Он поднимает крышку сундука – и оттуда высыпаются, сверкая и искрясь, груды драгоценных камней...

Глупость, конечно. Откуда здесь, в этой глуши, взяться драгоценным камням? Однако дедов рассказ не давал Матвею покоя, и теперь, когда он встал на ноги и у него появились кое-какие возможности, решил проверить ту давнюю историю.

Дед про тот случай вспоминал редко, хоть голова у него работала отлично, даром что восьмой десяток на исходе. И телом дед был крепок: сухой, подвижный, он до недавнего времени зимой ходил по лесу на лыжах с ружьишком – так, на всякий случай, потому что живность любил и никогда зря не трогал.

Правда, в последние годы по лесам за грибами-ягодами шарить было деду нелегко, возраст все же давал себя знать, и он проводил время на лодке с удочкой. И на зиму Матвей последнее время забирал деда к себе в Петербург – все равно квартира пустая, он вечно занят, домой приходит только спать...

Судьба Матвея могла бы сложиться по-иному, если бы не умер отец. Он сильно пил и как-то по пьяному делу упал в сугроб и заснул. Вдруг пошел сильный снег, и отца мигом замело, так что редкие прохожие и не заметили тела в сугробе.

По прошествии некоторого времени после похорон мать неожиданно оживилась, очухалась, позабыла про телевизор и решила перебираться в райцентр, город Веснянск, что в пятидесяти километрах от их деревни. Там построили новую птицефабрику и требовались рабочие руки. Мать сняла комнату у глухой тетки Дарьи и взяла Матвея с собой. А в Веснянске была средняя школа и энтузиаст-директор, который вбил себе в голову, что обязан сделать из своих учеников полезных членов общества. И преуспел в этом, во всяком случае с Матвеем. А не то быть бы ему трактористом или механизатором в родном колхозе, а учитывая тот факт, что колхоз их после перестройки полностью развалился, Матвей и вообще сидел бы без работы. В лучшем случае дослужился бы до участкового, как друг детства Васька Уточкин.

После школы Матвей сгоряча уехал в большой город поступать в институт. Не поступил, загремел в армию, отслужил два года тут же, в области, и за это время поднабрался ума и опыта. Нахальства и решимости ему и прежде было не занимать, и после армии они с другом Митькой Сотниковым организовали свой собственный бизнес. И вопреки всем прогнозам и предсказаниям потихоньку раскрутились, встали на ноги. Случалось потом в жизни разное, но теперь у него появились свободные деньги, которые можно потратить на дедову мечту.

Потому что дед в старости стал все больше про ту историю вспоминать. Очень ему было интересно, что же там было, в тех ящиках, что немцы затопили?

И вот этим летом Матвей нанял аквалангистов, нашел девчонку из гидрологического института и поручил им поиски...

Честно говоря, он не слишком верил в результат. Просто решил проверить ту старую историю. И деда не обнадеживал – дескать, может, что и было там, да только сгнили давно те ящики на илистом дне...

И вот сегодня Андрей позвонил ему и сообщил о находке... А Матвей как раз и сам собирался к ним – месяц подходил к концу, следовало что-то решать. Либо переходить на другое место, либо вообще прекращать поиски. Он все же не может бросать деньги на ветер. Поэтому он так обрадовался сообщению и поспешил к озеру.

Сердце Матвея билось непривычно часто.

Он сам себе боялся признаться, как волнуется, как ждет встречи со своей детской мечтой. Как в каждом мужчине, в нем жил мальчишка и сохранилась детская тяга к приключениям, к поискам сокровищ... Конечно, он не верил в сундуки с драгоценными камнями, но все же...

Склон закончился. Джип прокатил по неширокой лощине, въехал на гребень холма, откуда открывался вид на берег озера, на лагерь аквалангистов.

И тут Матвей почувствовал какое-то беспокойство.

Лагерь выглядел вымершим.

Понтон стоял возле самого берега, и на нем никого не было.

От костра шел чуть заметный дымок, тренога с котелком валялась рядом, и там же, в нескольких шагах от кострища, лежала какая-то странная грудa – то ли тряпья, то ли...

Матвей затормозил, заглушил мотор, поставил машину на ручник и выскочил из кабины.

Все это ему не нравилось.

Шум мотора в тихом лесу слышен издалека, и ребята непременно должны были выйти навстречу своему боссу, особенно в такой радостный день, когда их долгие поиски увенчались успехом. Он-то думал, что они отрядили водителя за спиртным и теперь на радостях пляшут возле костра... И музыка играет, и пахнет едой, слышатся смех, крики и женский визг.

Вместо этого Матвея встретила гробовая тишина, даже птицы не пели, кузнечики не стрекотали, не жужжали шмели.

Где же ребята?

И где их машина?

Матвей торопливо спускался по откосу, вглядываясь в прибрежную траву, и нехорошее предчувствие зрело в его душе. Может быть, аквалангисты все же решили вскрыть ящики, не дожидаясь его, и то, что они там увидели, до того поразило их, что они решили сбежать, украсть долгожданную находку?

Он снова вспомнил свой сон – груды сверкающих самоцветов, высыпавшихся из раскрытого сундука...

Да, такое зрелище может толкнуть человека на самые неожиданные поступки!.. Он пожалел, что не взял с собой никакого оружия.

Матвей подошел к костру.

Он явно был залит водой, причем совсем недавно – серые угли еще дымились. Повернувшись к той грудке, которую увидел с холма, Матвей выдохнул и зажмурился, настолько неожиданным и страшным оказалось увиденное.

Он снова открыл глаза, как будто ожидал, что все изменится.

Но ничего не изменилось.

Рядом с костром, в высокой траве, лежал вниз лицом мертвый человек в синих поношенных джинсах и старых кроссовках.

Лица его Матвей не видел, но он и без того узнал растрепанные рыжеватые волосы, худую жилистую шею и татуированные плечи Виктора – второго аквалангиста, веселого и малость хамоватого парня. Старший, Андрей, ценил его за ловкость и умение, но ненавязчиво за Витькой присматривал.

Матвей запустил цветистого матюга, и ему стало немного легче. Мир вокруг стал более натуральным, как будто Матвей вынырнул из воды и стал слышать.

Вокруг стояла все та же звенящая летняя тишина, сонная, благодатная тишина июльского леса, изредка нарушаемая короткой наивной песенкой зяблика. И только мертвый человек никак не вписывался в эту лесную идиллию.

– Ох ты, чтоб тебя... – Матвей повторил самое популярное в народе заклинание от стресса и наклонился над телом.

То, что Виктор мертв, не вызывало у него никаких сомнений. Только мертвый человек может лежать возле догорающего костра так вольготно, так незащищено, так доверчиво. Матвей разглядел темную круглую дырку на затылке – входное отверстие, какое оставляет пуля, – и ему стало совсем худо.

Это не смерть от несчастного случая. И даже не заурядное бытовое убийство, как обычно выражается в своих отчетах милиция.

Это было умышленное, хладнокровное убийство.

Виктора застрелили сзади, выстрелом в затылок. Причем, судя по размеру входного отверстия, пулей из оружия девятимиллиметрового калибра. Пулей серьезного, профессионального калибра.

Матвей вздрогнул и выпрямился: он ходит здесь, ничуть не опасаясь, а убийца, может быть, еще совсем рядом, и сейчас его самого уложит таким же выстрелом...

В следующую секунду он сообразил, что машина аквалангистов пропала, значит, убийца (или убийцы) уже уехал. Хотя и совсем недавно, судя по костру.

Тем не менее Матвей настороженно огляделся по сторонам и направился к палатке.

И тут, по другую сторону палатки, он увидел второй труп.

Андрей.

Он лежал на земле, широко открытые голубые глаза смотрели в небо, и в них отражались пробегающие в высоте редкие облачка. И еще в них было такое непривычное выражение – детской обиды и удивления.

У него было прострелено горло, и еще одна дырка виднелась между глаз. Контрольный выстрел...

– Профессионал работал, сволочь!.. – пробормотал Матвей и наклонился, чтобы заглянуть в палатку.

Здесь лежала Надя.

Должно быть, когда вошел убийца, она сидела на складном стульчике, приводя себя в порядок перед приездом босса. Выстрел разнес ее затылок, она ничего не успела почувствовать и свалилась на бок, выронив зеркальце и тюбик помады.

Эти простые женские вещи лежали на полу в полуметре от мертвого Надиного лица, и это показалось Матвею особенно отвратительным. Это, и еще запах, который висел в палатке, – тяжелый запах крови и пороха, запах смерти.

Он вышел из палатки и несколько долгих секунд стоял неподвижно, переводил дыхание.

Матвей не был бы собой, если бы он не умел грамотно вести себя в любой, самой страшной и неожиданной ситуации. В его жизни случалось всякое, так что в принципе он был готов к любой подлянке, которую эта самая жизнь может ему преподнести. Но чтоб такое... Здесь, в мирной лесной глуши, когда солнышко просвечивает сквозь деревья, отбрасывая на землю кружевную тень, и сладко пахнет нагретой сосновой корой, и легкий ветерок дует с озера, и вода в озере теплая и сонная, даже волны ленятся набегать на берег в такую жару...

Он сел на подвернувшееся бревнышко, достал мобильник и набрал номер Васи Уточкина.

Вася был местным участковым и другом детства Матвея, много счастливых часов провели они вместе, пока мать не увезла Матвея в Веснянск. Но лето он всегда проводил в деревне, у деда, так что дружба с Васькой не прервалась.

Прежде чем начать поиски в озере, Матвей ознакомил со своим планом Василия. Они долго сидели на лавочке во дворе под цветущим кустом сирени.

– Ну что, Вась, поможешь? – напрямую спросил Матвей.

– Дело-то государственное, – Василий почесал в затылке. – Как бы чего не вышло от властей.

– Да сам знаю, что полагается официальное разрешение просить! – Матвей повысил голос. – Да только пока его допросишься, все ноги стопчешь! И дорогое время уйдет, погода испортится. Начнутся ветра на озере – что там найдешь? А если взятки я раздам несметное количество, а ничего не найду?

– Понимаю твое положение, – кивнул Василий, – ладно, прикрою. Вы там сильно не шумите, работайте по утрам, если кто спросит, пусть ребята говорят – гидрологи, дно исследуют.

– Да кому там интересоваться? Вокруг никого народу, если только рыбак какой что увидит...

На том и порешили. А в случае чего Вася Уточкин обещал друга прикрыть. Не даром, конечно, – Матвей, в свою очередь, пообещал участковому справедливый процент от находки.

– Вася, – проговорил Матвей охрипшим от волнения голосом,ждавший, когда телефон ответит. – Ты где сейчас?

– В Соловьевке, – удивленно ответил участковый. – А ты что какой-то стремный?

– Будешь тут стремным... – проворчал Матвей. – Подъезжай быстро на озеро. Ну, ты знаешь – где ребята мои ныряли. Тебе совсем близко...

– Случилось что? – Голос Уточкина изменился.

– Случилось! Не тяни, давай быстро сюда!

Вася был человек понятливый, больше вопросов не задавал.

В ожидании его Матвей еще раз обошел лагерь.

Переварив увиденное, он огляделся и отметил три самых важных момента.

Во-первых, не было на месте машины аквалангистов.

Во-вторых, не было тех трех ящиков, о которых говорил Андрей.

В-третьих, он нашел только три трупа. Четвертого члена группы, шофера и кашевара Кости, не было.

Картина вырисовывалась вполне определенная: Константин, увидев найденные ценности, убил своих спутников, забрал ящики и уехал.

Но откуда у него девятимиллиметровый пистолет?

Неподалеку раздался шум мотора, и на косогоре появился «козлик» участкового. Вася чуть не на ходу выскочил из машины, скатился по склону, подбежал к Матвею и коротко бросил:

– Ну, что тут?

– Гляди! – Матвей широким жестом показал на трупы аквалангистов.

Василий стянул фуражку, сжал ее в кулаке, длинно и цветисто выругался.

– Кто это их? – проговорил он после такого предисловия.

– Ты меня спрашиваешь? – Матвей взглянул на него как на ребенка. – Когда я приехал, все было точно как сейчас.

– Двое убитых? – уточнил Уточкин, взяв себя в руки.

– Трое. Третья, Надя, в палатке. Четвертый пропал.

– Константин... – проговорил участковый, показав, что помнит группу поименно.

– Константин, – подтвердил Матвей, сжимая кулаки. – Машина, как видишь, пропала. И еще... – он понизил голос, как будто их кто-то мог слышать. – И еще... они сегодня нашли.

– Нашли? – Вася взглянул на приятеля с новым интересом. – Что нашли?

– Не знаю точно что. Андрей позвонил мне час назад, сказал, что они подняли три железных ящика. Я велел им без меня не открывать и сразу поехал сюда. Но опоздал...

– Три ящика, говоришь? – переспросил участковый, наклоняясь над костром. – И что ящики?

– Как видишь, их нету. Андрей сказал, что два больших ящика, а один поменьше.

– Нету ящиков... – задумчиво повторил Уточкин. – Ясно-понятно... говоришь, час назад с Андреем по телефону разговаривал?

– Час с четвертью, – уточнил Матвей, взглянув на часы. – Я сюда за час добрался, ты ближе был, за пятнадцать минут доехал...

– Ага, а костерчик-то минут сорок как погашен... – добавил Вася, приняв себя за голову. – Так что очень далеко он не мог уехать...

– Не мог, – подтвердил Матвей с надеждой в голосе, но тут же эта надежда угасла. – Тут ведь у нас дороги сам знаешь какие... где ж его найти...

– Попробуем, – Вася распрямился, обошел лагерь, нашел место, где стояла машина аквалангистов, внимательно рассмотрел следы колес, поднял какую-то щепочку.

– Не иначе как он в сторону Печкова поехал. Там дорога более-менее проходима, а почти никого не бывает, так что можно без опаски ехать... Я бы на его месте именно туда поехал.

– И как же ты его перехватишь?

– Ты, Матюха, не забывай, – ответил Уточкин наставительно. – Константин твой – человек городской, а мы с тобой – местные, я, можно сказать, – хозяин тайги...

– Ну, давай, хозяин тайги, выручай...

– Что значит – выручай? – Вася посмотрел на приятеля удивленно. – Три трупа на моем участке, найти убийцу – это мое прямое дело...

Он искоса взглянул на Матвея, проговорил полувопросительно:

– Приглядишь тут, чтобы ничего не трогали? Место преступления как-никак!..

– Да кто тут тронет! – отмахнулся Матвей. – Я лучше с тобой поеду...

– Ну, как знаешь... – в голосе участкового прозвучало легкое неодобрение. Матвей понял, что подумал Уточкин: что он хочет ехать с ним, потому что не доверяет, думает, что Василий может наложить лапу на содержимое ящиков. Но разубеждать участкового не стал – пусть думает что хочет.

– Но только уж не знаю, как твоя навороченная тачка по нашим дорогам пройдет! – проговорил Василий, поднимаясь по склону. – Мой-то «козлик» где хочешь проскочит...

– Не беспокойся! Моя тачка тоже проверенная, я на ней по Африке гонял.

– То Африка, а то Россия! Есть разница? – Василий, оставив за собой последнее слово, сел за руль и погнал своего «козла», почти не разбирая дороги.

Скоро Матвей пожалел, что увязался за участковым.

Тот гнал по такому бездорожью, что выдавший виды джип Матвея жалобно поскрипывал на очередном ухабе. Ветки хлестали по стеклам, машины с ходу перескакивали мелкие ручейки и канавы. Внезапно впереди показался склон оврага, и «козлик» Уточкина, жутко взревев, покатился вниз по откосу. Матвей выругался, сжал зубы и погнал следом, решив, что его машина, пожалуй, не переживет сегодняшнюю гонку.

Завывая моторами, машины вскарабкались на противоположный склон оврага, промчались по заросшей кустарником просеке и вылетели на проселочную дорогу.

Участковый сбросил газ и притормозил. Когда Матвей догнал его, он опустил стекло и крикнул:

– По всему, он сюда должен выехать. Мы дорогу здорово срезали, должны его обогнать.

Они находились на прямом участке, дорога просматривалась в обе стороны километра на полтора. Позади, в стороне озера, не было видно никакого движения. Впереди, метрах в трехстах, какой-то человек копошился возле трактора.

– Это кто же там такой? – проговорил Матвей, приложив руку козырьком, чтобы не мешало солнце.

– Кажется, Мишка Соломатин, – не задумываясь, ответил Уточкин и снова прибавил газу.

Через пару минут они поравнялись с трактором. В его моторе копался парень лет тридцати с выразительно оттопыренными ушами.

– Здоров, Мишка! – окликнул его участковый. – Бог в помощь! Заглох, что ли?

– Заглох, шпindel его побери! – охотно отозвался тракторист. – Здорово, Василий. И тебе здорово, Матвей Андреич. Какими судьбами в нашей глухомани?

– Ты, Мишка, давно здесь ковыряешься? – спросил участковый, сочувственно оглядев тракториста.

– Да уж часа полтора! – пожаловался тот. – То ли карбюратор сдох, то ли бензопровод прохудился...

– Мимо тебя за это время никто не проезжал?

– Да кому здесь проезжать! – Тракторист добавил выразительную концовку, без которой не умел построить предложение.

– Значит, говоришь, никто? – Уточкин переглянулся с Матвеем. – Однако плохо...

– Так что, мужики, поможете? – Мишка с надеждой взглянул на участкового, потом на Матвея.

– Извини, Михаил! – Участковый нахмурился, сдвинул фуражку на лоб. – Мы бы всей душой, да дело у нас. Преступника ловим.

– Преступника? – с интересом переспросил тракторист. – О как! Не иначе, у бабки Матрены курей опять своровали? Серьезное дело! Наверняка профессионал работает! Может, даже эта... как ее... организованная преступная группировка!

– Ты, это, не очень! – обидчиво возразил Уточкин, опустил стекло и развернул машину под насмешливым взглядом тракториста.

Несколько минут они ехали в обратном направлении, затем Василий остановил своего «козлика», выбрался на дорогу и задумчиво уставился на обочину.

– Ну, что ты тут нашел? – спросил, присоединившись к нему, Матвей.

– Именно что не нашел, – ответил участковый, наклонившись и вглядываясь в траву. – По всему, он должен был здесь на дорогу выехать, а тут, я смотрю, уж неделю никто не ездил, даже трава не примятая. Значит, либо он где-то раньше свернул, либо все еще в лесу ошивается... либо... – участковый помрачнел и вернулся к своей машине.

– Что – либо? – осведомился Матвей, так и не дождавшись окончания фразы.

Уточкин не ответил, выжал сцепление и съехал с дороги на едва приметную тропу.

Снова они ехали через лес, снова машины подпрыгивали на ухабах. Матвей держался позади «козлика» участкового, внимательно поглядывая по сторонам.

Вскоре лес расступился, впереди, посреди большой поляны, показался уединенный хутор. Сбоку от низкого приземистого дома виднелись ровные коробки ульев. Василий ехал теперь совсем медленно, Матвей подрулил к нему, опустил стекло.

– Это что за хутор?

– Это дядя Петя здесь живет, пасечник, – ответил Уточкин вполголоса. – Что-то мне не нравится... больно тихо здесь. Не пришел ли старика твой Константин...

– Во-первых, он не мой... – начал Матвей, но участковый прижал палец к губам.

Из-за дома показался худой сутулый старик в длинной телогрейке. Услышав шум моторов, он повернулся и удивленно уставился на подъезжающие машины.

– Это кто же пожаловал? – спросил старик, пожевав губами.

Уточкин перевел дыхание, высунулся из машины:

– Привет, дядя Петя! Гляжу, ты жив-здоров?

– А что мне сделается? – Старик пожал плечами. – Пчелки мои, от них польза одна, так что я до ста лет жить собираюсь. А ты никак Васька Уточкин?

– Он самый! – Участковый выбрался из машины, подошел к пасечнику, вытер вспотевший лоб платком.

– Я тебя еще вот таким помню, – старик показал ладонью метр от земли, – шкодный парнишка был, так и норовил каверзу какую учинить. То за ягодами в огород лазил, то на свинью шапку старую надел. А теперь, говорят, милиционером стал?

– Стал, точно, – подтвердил Василий, смущенно покосившись на Матвея. – А что, дядя Петя, не проезжал сегодня никто мимо тебя?

– Кому здесь ездить? – Старик подслеповато уставился на Уточкина и только что не повертел пальцем у виска. – Здесь не то что сегодня, здесь уж месяц никто не проезжал... вот у Гнилого болота кто-то шумел... – и пасечник махнул рукой в сторону темного елового леса.

– Никто, значит, не проезжал... – машинально повторил за ним участковый и вдруг вскинул голову. – Что ты сказал? Кто шумел у Гнилого болота?

– А я почему знаю? – Старик почесал затылок. – Это ты у нас милиционер, должен знать всех и каждого! А у меня своих делов хватает – с пчелками возни много, и вообще по хозяйству... – и пасечник отвернулся, давая понять, что разговор закончен.

– Дядя Петя, – взмолился Василий. – Скажи толком – что ты слышал у Гнилого болота? Дело нешуточное, серьезного преступника ловим!

– Ишь ты! – Пасечник уважительно присвистнул. – Настоящий милиционер! Ну, что я тебе могу сказать? Мотор шумел, вроде как твой сейчас. А потом тихо стало.

– Уехал, что ли?

– Да куда ж там уехать? Говорю тебе – сперва шумел, а потом затих.

– Поехали к Гнилому болоту! – Уточкин повернулся к Матвею, шагнул к своей машине.

– Так туда разве есть дорога? – недоверчиво осведомился Матвей.

– Туда-то есть, да оттуда нету! – непонятно ответил участковый и поехал в лес.

Через несколько минут тропа, по которой они ехали, вышла на унылую пустошь, кое-где поросшую чахлыми березками. Тут и там среди берез виднелись пятна неестественно зеленой травы, болезненной и обманчивой, как чахоточный румянец больного.

– Вот оно, Гнилое болото! – проговорил Василий, почему-то понизив голос.

– Гляди! – крикнул вдруг Матвей, показывая направо.

Там темнела большая промоина, и из нее торчали задние колеса и багажник джипа.

– Никак в болото угодил твой Константин! – мрачно произнес участковый. – Концы, как говорится, в воду...

– Да подожди! – Матвей выпрыгнул из своей машины, обошел ее, достал из багажника трос, закрепил его позади своего джипа, потом подошел к полузатонувшей машине аквалангистов и морским узлом привязал к ней второй конец троса.

– Что, никак думаешь вытащить? – с сомнением проговорил участковый. – Тут не твоя навороченная тачка нужна, тут трактор нужен, и то не абы какой!..

– Попробую! – ответил Матвей, садясь за руль.

– Сомневаюсь я маленько! Тут тебе не Африка! – Участковый недоверчиво взглянул на джип Матвея, затем – на торчащую из болота машину.

– А ты не сомневайся, ты в сторонку отойди! – ответил Матвей и включил передачу.

Машина взревела, из-под колес полетели комья земли.

Уточкин стоял в стороне, с недоверчивым любопытством наблюдая за происходящим.

Матвей напрягся, как будто не машина, а сам он тащил из болота затонувший джип. Жилы на его шее вздулись, лицо побагровело, по лбу стекали капли пота.

– Сомневаюсь я... – повторил участковый, и в это мгновение мотор заревел особенно надсадно, и затонувший джип сдвинулся с места. Совсем немного, но все же сдвинулся.

– А ты... а ты не сомневайся! – прохрипел Матвей и передернул рычаг передачи. – Не было... не было такого дела, с которым бы Матвей Громов не справился!

И словно в ответ на его слова, полузатонувшая машина дернулась и поползла на тропу. Болото жадно чавкнуло, как будто не хотело расставаться со своей добычей, и темная вода снова сомкнулась.

Машина аквалангистов стояла на ровном месте, и с нее стекали вода и густая болотная грязь.

– А ты говоришь – тачка навороченная! – проговорил Матвей, выбираясь из своей машины и любовно поглаживая нагревшийся капот. – Это зверь, а не машина!

– И правда вытащил! – удивленно проговорил Василий, переводя взгляд с грязной машины аквалангистов на гордого, красного от напряжения Матвея.

Он подошел к измазанной машине, дернул на себя дверцу. Она распахнулась, на траву выплеснулась щедрая порция болотной грязи. Участковый заглянул внутрь и присвистнул.

– Вот он, твой Константин! Недалеко уехал!

– Во-первых, никакой он не мой... – привычно ответил Матвей. – А во-вторых...

Он не закончил фразу.

Мертвый человек сидел на переднем сиденье, всем телом навалившись на руль. Его лицо и одежда были густо залеплены грязью.

– Выходит, съехал с дороги, не успел выбраться из машины и утоп? – неуверенно проговорил участковый, стаскивая с головы фуражку.

– Не выходит, – возразил Матвей и своим платком стер грязь с правого виска мертвеца. Там чернела круглая дырка с опаленными краями. – Не выходит. Тот же калибр, девять миллиметров. Тот же человек его убил, что и остальных. Только специально сюда его привезли, чтобы мы на Константина это дело повесили. Еще бы несколько часов – и машина бы утонула, а тогда...

– Точно, – согласился участковый. – Тогда бы мы на Константина это дело списали и объявили его в розыск...

– Что же такое было в тех ящиках, если из-за них столько народу положили?

– Эх, Матюха! – вздохнул Уточкин. – Сейчас не то что из-за ящика с сокровищами, из-за бутылки водки человека убить могут! Вот в Заворотье мужик из тюрьмы вышел, восемь лет отсидел за вооруженное ограбление, в тот же день соседа убил и снова сел на десять лет. Так за что убил-то? За пятьдесят рублей и за куртку старую! А ты говоришь – ящики...

Он засунул голову в машину аквалангистов и повторил:

– Ящики!.. Ящики!

– Что ты заладил как попугай – ящики, ящики! – недовольно пробормотал Матвей. – Я еще с первого раза расслышал!..

– Да говорю тебе, – участковый задом вылез из машины, – ящики твои тут!

– Что значит – тут? – недоверчиво переспросил Матвей. – Как это – тут? Не может быть!

– Сам погляди! – Участковый отступил в сторону.

Матвей снова влез в машину.

На заднем сиденье стояли два больших железных ящика.

– Ну, помоги, что ли... – проговорил Матвей, хватая один из ящиков за ручки.

Через несколько минут оба ящика стояли на траве.

Это были большие темно-зеленые ящики с хорошо сохранившимися немецкими надписями на крышке. Кое-где краска была поцарапана, видно, ребята попытались соскоблить многолетние наслоения. А так мало кто мог подумать, что ящики пролежали в воде так много лет. Все-таки немцы – народ обстоятельный...

– Ну, и что в них такое? – заинтересованно спросил участковый.

– Сейчас узнаем... – Матвей отщелкнул замок. Как ни странно, он хорошо сохранился и нисколько не заржавел. Матвей откинул крышку.

Уточкин заглянул через его плечо и присвистнул.

Ящик был полон серебряных и позолоченных окладов икон.

– Вот нахапали фрицы! – проговорил участковый с непонятным выражением. – Да только увезти не смогли...

Матвей открыл второй ящик. Здесь были серебряные и золотые церковные сосуды, кресты, усыпанные цветными камнями, тяжелые кадила и подсвечники.

– Ничего себе! – Глаза Уточкина заблестели. – Значит, нашли все-таки клад твои ребята!

– Смерть свою они нашли! – перебил его Матвей.

– Постой... – участковый удивленно уставился на приятеля. – Постой, что же это выходит? Выходит, он их всех убил, а клад-то и не забрал? Или все же Константин был с ним в сговоре, остальных убили, а потом они поссорились из-за добычи, он подельника пристрелил, а сокровище унести не смог?

– Не выходит, – возразил Матвей. – Он с Константином не боролся. Он его так же пристрелил, как остальных. Он все сделал так, как задумал.

– Не понимаю! – Василий отступил, растерянно оглядываясь. – Тогда почему же он эти ящики оставил?

– Потому что не из-за них он все это дело задумал! Не они ему были нужны!

– Не из-за них? – Участковый потряс головой. – Я тебя, Матюха, совсем не понимаю. Если не из-за этого золота-серебра он всех людей положил – так из-за чего же?

– Я сам не очень-то понимаю... – признался Матвей. – Только одно тебе скажу: мне Андрей сказал по телефону, что они нашли три ящика. Два больших и один поменьше. А здесь, ты видишь, только два больших. Где же третий?

– Может, завалился куда? – Василий снова сунулся в машину, заглянул под заднее сиденье, потом открыл багажник. Третьего ящика нигде не обнаружилось.

– Значит, все это было задумано и сделано ради того самого третьего ящика... – негромко проговорил Матвей, дождавшись, когда участковый закончит свои поиски. – А эти два ящика он не стал даже брать, чтобы легче было скрыться... Тот ящик маленький, он его в рюкзак положил да и пошел пешком через лес. Идет человек за грибами, кто его запомнит?

– Что же такое было в том ящике, если он золото и серебро оставил, а его взял? – спросил участковый, тоже невольно понизив голос. – Брюлики, что ли?

– Да сам подумай, откуда здесь бриллиантам взяться! – возразил ему Матвей. – Вокруг деревни нищие. Ну, церкви-то имелись, и в церквях кресты да иконы кое-где сохранились. Или люди верующие по домам прятали. А откуда здесь взяться бриллиантам?

– А тогда что же? – Участковый перешел на шепот и испуганно огляделся по сторонам.

– Не знаю! – честно признался Матвей и пожал плечами. – Но очень хочу узнать. И я тебе скажу: не буду я Матвеем Грозовым, если это не узнаю! Чего бы мне это не стоило!

– И убийцу этого тоже найти надо непременно... – добавил участковый.

– Само собой, – согласился Матвей.

Он вспомнил затушенный костер, трупы аквалангистов, мертвое лицо Нади – и дал себе слово во что бы то ни стало найти убийцу.

– Вот еще что я думаю, – проговорил участковый после продолжительного молчания. – Не верю я, что это кто-то из наших мужиков провернул.

– Что, думаешь, здесь все такие уж ангелы? – Матвей взглянул на него исподлобья. – Сам говорил – народ сейчас озверел, на любое преступление готов!

– Да я и не говорю, что ангелы, – Василий упрямо набычился. – Просто, Матюха, ты ведь сам знаешь – у нас народ простой, незатейливый, а здесь уж больно все хитро обставлено. Чувствуется, что профессионал работал. Опять же – разве наш человек оставил бы золото-серебро? Да нипочем! Наши мужики ради меди или латуни на что угодно готовы, у Прасковьи Коровиной из-за трех кастрюлек избу взломали, а тут два ящика драгметаллов брошено! Нет, тут кто-то другой работал!

– Так надо людей порасспрашивать – может, видели в последнее время посторонних... он ведь должен был где-то поселиться, чтобы дожидаться, пока ребята ящики найдут и поднимут!

– Вот и я про то же! – оживился Василий. – Там ведь, на другой стороне озера, санаторий. Может, там убийца и прятался?

– Да, в санаторий наведаться надо! – согласился Матвей. – Если даже убийца не там жил – так наверняка кто-то оттуда видел, что сегодня в лагере происходило.

На том и порешили и прямым ходом помчались в санаторий.

В окружении небольшой свиты император выехал на Поклонную гору и огляделся. Позади него, насколько хватало глаз, располагалась великая армия – старая гвардия, прошедшая с ним дороги войны, воевавшая в Тулоне и в Египте, нарядные ряды кавалерии, грозная пехота. Впрочем, Великая армия утратила часть бывшего величия – многие солдаты были оборваны и босы, множество раненых напоминало о недавнем тяжелом сражении возле одного русского селения, как оно называется... кажется, Бородино.

Но, голодные, оборванные, израненные, французские солдаты сияли, сотни глоток выкрикивали одно слово: Москва! Москва!

И впрямь перед ними раскинулся древний богатый город. Покоренный Великой армией, он лежал в страхе и ожидании. Тысячи церквей сверкали куполами и колокольнями, вдалеке виднелись стены Кремля.

– Вот я и в Москве! – проговорил император, с трудом преодолев охватившее его волнение. – Приведите бояр!

Он думал, что сейчас к нему приведут покорных вельмож с ключами от древней русской столицы, но прошел час, потом еще один – но депутация все не показывалась. Наконец подь-

ехал один из офицеров свиты и смущенно доложил, что никаких бояр нет, Москва пуста, по улицам шляются только толпы пьяных и грабителей.

Помрачнев, император приказал пушечным выстрелом подать сигнал к движению авангардов армии.

Мюрат пошел к Дорогомиловской заставе, Понятовский – к Калужской, вице-король Евгений – к Пречистенке и Тверской. Вслед за авангардами, среди пыли и грохота, среди ржания и топота коней двинулись все корпуса.

Возле Дорогомиловской заставы император остановил коня и спешил. Он все еще верил, что к нему приведут городскую депутацию, и долго прохаживался у Камер-Коллежского вала, с нетерпением оглядывая город.

Депутация москвичей так и не появилась, и армия продолжила свое движение.

Император приказал войскам соблюдать строжайший порядок, коннице не слезать с коней и ни в коем случае не допускать грабежей. Сам он, так и не дождавшись депутации, решил не въезжать в город, а расположиться на постоялом дворе возле заставы.

Однако, несмотря на строгий приказ, французские солдаты, голодные, оборванные, многие даже босые, увидев брошенные купцами лавки, принялись за грабежи.

– Мы оборваны и голодны, – говорили они друг другу. – А тут груды всяческой снеди, полные магазины одежды и обуви, брошенные своими хозяевами. Если мы не возьмем это, все это богатство растащат грабители из штатских. В конце концов, мы – победители, а победителей не судят...

Остановить их не было никакой возможности, и вскоре к этой вакханалии, не желая отставать от своих подчиненных, присоединились офицеры, а потом и генералы. Они не удовлетворялись едой и одеждой: захватив экипажи в каретном ряду, они наполняли их дорогой посудой, мехами и прочими ценностями.

Вскоре вся армия разбилась на бесчисленные неуправляемые шайки мародеров.

Вдруг, в самый разгар повальных грабежей, вспыхнул пожар в москательном ряду торгового квартала, а вскоре запылал уже весь Китай-город.

Однако пожары не остановили беспорядок, а только придали ему новое оживление: мародеры спешили разграбить город, пока все его богатства не уничтожил безжалостный огонь.

Узнав о бушующих в городе пожарах, император решил покинуть постоянный двор и в шесть часов утра третьего сентября вступил в Кремль.

Санаторий «Солнечный берег» занимал несколько одноэтажных деревянных домов, разбросанных среди соснового леса. В самом большом, первом корпусе располагались администрация и кабинеты врачей. Сюда-то и направились Матвей с участковым.

Увидев на пороге своего кабинета участкового, директор санатория Артур Иванович поднял голову от бумаг и изобразил на лице подобие улыбки:

– Какие люди! Василий Никитич, давно к нам не заглядывали! Случилось что?

– Случилось... – начал участковый, но Матвей ткнул его в бок, и он удержал чуть не сорвавшиеся слова, а вместо этого спросил: – А у вас в санатории ничего не случилось?

– То есть что конкретно вы имеете в виду? – осведомился директор.

В ожидании ответа он снял очки и начал протирать их салфеткой.

– Ну, я не знаю... – протянул Василий. – Может, ЧП какое-нибудь... или человек незнакомый появился...

– Насчет того чтобы появился – этого у нас не может быть, – отрезал Артур Иванович. – С этим у нас строго, все пациенты исключительно по документам, с направлениями лечебных учреждений. Вот, правда... впрочем, это вас, наверное, не заинтересует...

– Вы скажите, скажите! – оживился Василий. – Я уж сам решу, интересуется или нет!..

– Да вот один человек от нас неожиданно уехал... – сообщил директор неуверенно.

– Когда?! – в один голос выпалили Василий и Матвей.

– Сегодня утром.

Приятель переглянулись.

– Он, наверняка он! – проговорил Матвей.

– Что за человек? – осведомился участковый.

– Одну минуточку... – директор санатория открыл толстую папку и прочитал: – Кукушкин Михаил Борисович... панкреатит, холецистит, хронический гастрит и еще тут кое-что поскромнее...

– Что это вы такое говорите? – удивленно переспросил Матвей. – Что за слова иностранные?

– Ох, молодой человек, – вздохнул директор. – Могу вам только позавидовать, если вам такие слова незнакомы! Это болезни, которыми страдал господин Кукушкин!

– А лет ему сколько? – подозрительно спросил участковый.

– Шестьдесят четыре.

– Нет, не он! – в один голос проговорили приятели.

– Хотя... – задумчиво протянул участковый. – В моей практике бывали случаи. Вот Трофим Степанович Сысоев из Засолья... тоже пожилой мужчина был и весь больной, а такое устроил...

– Вась, только не надо про случаи из своей богатой практики! – остановил его Матвей и повернулся к директору. – А что за человек был этот Михаил Борисович? Чем занимался?

– Лечился, – коротко ответил Артур Иванович. – Вы же слышали – панкреатит, холецистит, гастрит хронический... воду пил минеральную, нашу, местную, у нас очень хорошая вода, и другие процедуры принимал – ванны лечебные, клизмы очищающие...

Матвей застонал.

– Еще гирудотерапия, – продолжал директор, сев на своего конька. – Это пиявки лечебные, тоже местные. У нас здесь очень хорошие пиявки, крупные...

Матвей позеленел и отступил к двери.

– А в свободное от лечения время? – поспешно вступил в разговор участковый.

– Ну, насчет свободного времени – это не ко мне! – Директор пожал плечами. – Интересоваться свободным временем – на это у меня времени нет, извините за каламбур!

– Ясно-понятно! – вздохнул Василий. – Ну, хоть адрес этого загадочного Кукушкина у вас имеется?

– А как же! Адрес непременно имеется, как же без адреса! У нас с этим строго, пациенты поступают исключительно по направлениям лечебных учреждений...

Он открыл ту же папку и прочитал:

– Ну вот – Кукушкин Михаил Борисович, одна тысяча девятьсот сорок шестого года рождения, проживает в городе Веснянске по адресу: улица Индустриальная, дом шесть, квартира сорок четыре. Поступил к нам по направлению поликлиники номер...

– Ну, это уже необязательно! – Василий записал адрес Кукушкина и захлопнул блокнот. – Поликлиника нас не интересует. Спасибо за содействие, Артур Иванович!

– Всегда готов, – миролюбиво проговорил директор. – Водички минеральной не хотите? Наша, местная, от всех хворей помогает! От панкреатита, холецистита...

– Ага, и от гастрита хронического! – Матвей перекопился, как от зубной боли. – Нет уж, спасибо, мы пока этим не обзавелись!

– Ну и просто так можно, для профилактики! – добавил Артур Иванович, но дверь уже закрылась за посетителями.

Выйдя из корпуса на свежий воздух, Матвей перевел дыхание и вытер лоб платком.

– Не много же мы здесь узнали... – проговорил он, оглядываясь по сторонам. – Да и вообще, по-моему, это пустой номер. Этот дядька весь больной, вряд ли мог четверых людей уложить, из которых трое – здоровые мужики...

По дорожке навстречу им неторопливо шли две женщины неопределенного возраста: одна – белобрысая и веснушчатая, вторая – с коротко стриженными темными волосами и длинным любопытным носом. На белобрысой была прозрачная юбка в невнятный цветочек, с многочисленными воланами и кокетливыми рюшечками на карманах. Ее подруга щеголяла в коротких шортах в клеточку. Шорты доходили до острых коленок, от этого ноги казались короче.

– Ой, мужчины! – воскликнула белобрысая, порозовев, и уставилась на Матвея с Василием с незамутненным женским интересом.

– Это не мужчины, – поправила ее подруга. – Это представители правоохранительных органов. Ты же видишь, один в форме...

– Но все равно – мужчины! – вздохнула белобрысая и тут же представилась: – Я – Валя, а вот она – Галя. Только не перепутайте, а то нас все почему-то путают... а вы к нам сюда как – лечиться приехали или просто так?

– Да что ты, Валя! – перебила ее брюнетка. – Ты же видишь, какие они молодые и здоровые. Им пока лечиться не от чего, они сюда по какому-нибудь своему делу приехали. К примеру, расследуют хищение котлет на кухне или кражу пиявок из кабинета гирудотерапии...

– Жаль! – вздохнула блондинка и захлопала белесыми ресницами. – Значит, надолго не задержатся! А у нас здесь так мужчин мало... можно сказать, совсем нет! Был Михаил Борисович, так и тот нами совсем не интересовался...

– Михаил Борисович? – оживился участковый. – Это Кукушкин, что ли? А чем же он интересовался?

– Якобы птицами, – грустно сообщила блондинка Валя. – Целый день в бинокль за ними следил!

– Только я считаю, что никакими не птицами! – перебила подругу брюнетка Галя. – Совсем на другое он любовался!

– На что же, интересно? – насторожился Матвей.

– Ну, мы вообще-то не любим сплетничать... – ответила Галя, сделав глубоко порядочное лицо.

– Да, совсем не любим! – поддержала ее Валя. – Только я вам точно скажу...

– Нет, это я вам точно скажу!

– Ну, в общем, мы вам точно скажем, что он за Марьей Ивановной наблюдал! Как она купаться идет – так наш Михаил Борисович сразу с биноклем тут как тут! А она очень любит купаться, чуть минутка свободная – так сразу на озеро...

– За Марьей Ивановной, говорите? – переспросил Василий удивленно.

– Ну да, – подтвердила Валя, – только мы, конечно, не любим сплетничать...

– Это мы уже заметили! – проговорил Матвей. – А когда вы этого Михаила Борисовича последний раз видели?

– Сегодня после завтрака, – сообщила Валя после недолгого раздумья. – Мы еще удивились – Марья Ивановна только купаться пошла, а он уже на вышке сидит. А потом он сразу в корпус пошел...

– После завтрака? А в какое время у вас завтрак?

– В девять, – ответила Валя. – А в девять тридцать мы уже вышли... – она взглянула на часы и вдруг заторопилась: – Ой, а нам уже идти пора, а то на полдник опоздаем, а на полдник здесь очень хороший мусс подают, из лесных ягод...

Подруги заспешили к первому корпусу, о чем-то оживленно переговариваясь.

Проводив подруг взглядами, Матвей с Василием прошли по дорожке до берега озера. Отсюда вдалеке виднелся противоположный берег, можно было даже разглядеть палатку аквалангистов.

– А в бинокль-то он наверняка мог все их действия видеть! – проговорил Матвей после продолжительной паузы. – Тем более если с вышки... Я так думаю, что он не убийца, конечно...

– Да, здесь вокруг озера дорога неблизкая, – подтвердил участковый. – К тому же сплошные ухабы и колдобины. Если его в девять тридцать здесь видели, он никак не успел бы на ту сторону обернуться! В одиннадцать ты уже был в лагере!..

– Да, так вот, – продолжил Матвей, – он не убийца, конечно, но сообщник. Я так представляю, что он следил отсюда за ребятами и, как только увидел, что они нашли ящики, тут же дал знать своему сообщнику, а тот наверняка прятался где-то поблизости от лагеря и добрался туда в два счета...

– Надо мне в Веснянск наведаться, – заявил Василий. – Тут рядом, за пару часов можно обернуться. Поговорю с тамошними коллегами. Узнаю, что за такой Кукушкин и что на него есть. И вот что, Матвей... – он нахмурился и понизил голос, – тебе лучше тут не маячить. Начнется следствие, станут копать, выйдут на тебя – неприятностей не оберешься. А так – никто ничего не знает, искали ребята что-то на свой страх и риск, обнаружили сокровища, а наше дело – убийцу найти. Теперь, сам понимаешь, ящики эти нужно к делу приобщить. Или ты против?

– Да ты что! – возмутился Матвей. – Мне и раньше-то это барахло не нужно было, просто деда хотел потешить. Да видно, не в добрый час я все это затеял. Ребят жалко... Что теперь будет?

– Документы у них есть, родных оповестим, – буркнул участковый.

– Ты проследи там, чтобы тела в Питер отправили как положено, – голос Матвея дрогнул, – я денег дам...

Город Веснянск был районным центром, и это говорило само за себя. Как в любом райцентре, в нем имелись рынок, автобусный вокзал, две церкви, речка Веснянка и по ее пологим берегам – небольшой район, в шестидесятые годы прошлого века застроенный пятиэтажными панельными домами.

Вокруг рынка по утрам скапливались жители окрестных деревень со своей нехитрой продукцией – сезонными овощами и ягодами, медом, свежими яйцами, творогом и сметаной. Здесь же нередко встречались свободно разгуливающие козы удивительной местной породы – у этих коз были не морды, а самые настоящие лица с утонченными иконописными чертами провинциальных интеллигентов и большими выразительными глазами средневековых святых.

Возле автовокзала собиралась несколько иная публика – помимо тех же окрестных крестьян, здесь присутствовали в большом количестве смуглые жители южных и восточных республик, обследующие даже такую удаленную провинцию в поисках работы. Ну, и интеллигентные козы здесь тоже, само собой, паслись, куда же деваться.

Район пятиэтажек, который местные жители почему-то прозвали Кузькиной слободой, населяли преимущественно коренные веснянцы, или весняки, как они сами предпочитали себя называть. Этот район выглядел точно так же, как выглядят сейчас сотни и тысячи таких районов, выросших как грибы пятьдесят лет назад по всему Союзу. Стены домов облупились и потрескались, между домами разрослись чахлые кустики и деревца, тут же на веревках сохло разноцветное белье. Среди этих райских куц играли в домино крепкие жизнерадостные пенсионеры да щипали сухую травку местные трогательные козы.

Приехав в Веснянск, участковый Уточкин поставил своего «козлика» перед входом в районное управление внутренних дел.

Здесь он мог не беспокоиться, что в его отсутствие машину разберут на органы местные умельцы, а кроме того, для начала Василий хотел заглянуть в управление и перекинуться парой слов с коллегами.

Несмотря на свое громкое название, управление внутренних дел представляло собой скромный двухэтажный домик, по странной прихоти прежнего начальника выкрашенный в ядовито-розовый цвет, каким в прежние времена отличалось зимнее женское белье.

В коридоре управления Василий тут же столкнулся с давним знакомым – капитаном Кручиной.

Кондратий Кручина служил в управлении уже больше пятнадцати лет, но никак не мог сделать карьеру по причине крайнего своего невезения и какой-то удивительной растяпистости. Вечно он терял важные документы, путал свидетелей с подозреваемыми, опаздывал на важные совещания, а один раз начальника управления Ивана Ивановича Полканова назвал по рассеянности Иваном Полкановичем.

Из-за такой служебной непригодности Кондратия перевели в самый захудалый отдел управления – профилактический, который занимался предупреждением преступности на ранних стадиях. То есть Кондратию приходилось обходить всех потенциально опасных жителей Веснянска и вести с ними душеспасительные беседы.

Как ни странно, на новой работе Кручина оказался к месту. Он знал по именам почти всех жителей города, у которых имелись сомнительные наклонности, пока что не переросшие в прямой криминал, и к каждому из них находил соответствующий подход.

– Здорово, Василий! – приветствовал Кручина участкового. – Ты к нам по какому делу? За матпомощью или так?

– Да дело одно расследую, – ответил Уточкин неопределенно. – Кстати, ты мне как раз мог бы помочь. Ты случайно не знаешь такого человека – Михаила Борисовича Кукушкина?

– Кукушкин, говоришь? – Кручина серьезно задумался. – Михаил Борисович? Была с ним как-то история... он, понимаешь, здорово зашибает, а жена у него женщина строгая. Как он примет на грудь лишнего – запирает его на балконе. Они вообще-то на четвертом этаже живут. Но он мужик догадливый и ловкий, наловчился со своего балкона перелезть к соседям, ниже этажом. Даже веревку специальную для этого приспособил, привязал под балконом незаметно. Как жена его запрет – он тут же с риском для жизни выполняет акробатический этюд, спускается на нижний балкон и стучится в стекло. А там, ниже этажом, Толька живет, дружок его, так он его завсегда к себе впускал, и таким опасным и трудоемким способом твой Кукушкин обычно выходил на свободу.

Да только потом случилась накладка.

К Тольке этому теща прилетела из самого Хабаровска. Ну, приличная такая женщина, учительница русского языка и литературы. Хотя возраст у нее уже пенсионный, преподает у себя в Хабаровске правописание шипящих после сипящих и образ Базарова как лишнего человека в условиях рыночной экономики. А тут эта теща взяла заслуженный отпуск и прилетела провести родную дочку и помочь ей в ведении домашнего хозяйства, а заодно провести с зятем воспитательную работу.

И вот, значит, поливает эта теща цветочки на балконе, напевает старинный романс про бронепоезд и вспоминает про себя правописание жи и ши. И вдруг сверху на нее опускается существо в тренировочных штанах с фиолетовой от паленой водки физиономией.

Теща, как ни странно, концы не отдала и даже в обморок не ударилась, крепкая оказалась женщина. У них в Хабаровске таких много, там климат здоровый. Единственное, что она себе позволила, – подняла крик настолько ужасный, что соседи решили: Толька не выдержал сложных семейных отношений и убивает свою законную тещу. У нее голос удивительно сильный оказался, на шестиклассниках натренированный.

Конечно, дело семейное, деликатное, однако соседи попались нервные и вызвали все же милицию.

Правда, к тому времени, как наряд до них добрался, ситуация разрешилась, теща затихла и уже поила твоего Кукушкина чаем, попутно разъясняя ему значение тургеневских барышень

для подъема урожайности в средней полосе. Но тем не менее в список потенциальных правонарушителей он попал...

Василий внимательно выслушал историю, поблагодарил коллегу и отправился по адресу Кукушкина.

Правда, рассказанная история его немного насторожила. Описанный в ней персонаж плохо сочетался с пациентом санатория «Солнечный берег», страдающим целым букетом желудочно-кишечных заболеваний и наблюдающим по утрам за птичками и купающимися нимфами необъятного размера.

Индустриальная улица не имела никаких разумных причин для своего звучного названия. Единственным объектом, который с натяжкой мог считаться индустриальным, была мастерская сапожника на углу возле магазина. Правда, в Веснянске имеются молочный завод, производящий сметану известной марки «Дядя Ваня», и еще птицефабрика под названием «Ударник», а также мясной комбинат, но этими тремя промышленными гигантами и исчерпывается местная индустрия.

Короче, Индустриальная улица казалось тихой, пыльной, на ней росли чахлые кусты неопределенного вида и сохло на веревках белье. Из живых существ Василий наблюдал печальную козу, с мечтательным видом жующую полуторный пододеяльник в цветочек, и четверых мужиков, со страшным грохотом играющих в домино.

– Дупель шесть! – рявкнул дядька в сиреновой майке, с синими якорями на бицепсах, и шарахнул об стол костяшкой домино.

– А мы его вот как... – ответил потише лысый гражданин с козлиной бородкой и выразительными ушами. – А мы, значит, вот как... будет знать, понимаешь...

– Мужики! – окликнул играющих участковый. – Не подскажите, как мне Кукушкина найти, Михаила Борисовича?

– И для чего же он тебе понадобился? – осведомился козлобородый, искоса взглянув на милиционера. – Опять Валька пожаловалась?

– Никто на него не жаловался! – возразил Василий. – Я его совершенно по другому делу разыскиваю. Он, когда в санатории находился, вещи там свои забыл ценные, так вот я его и разыскиваю, чтобы отдать...

– Какие вещи? – живо заинтересовался козлобородый. – Позвольте поинтересоваться?

– В каком санатории?! – возмущенно проговорил третий участник игры, обрюзгший тип с несколько фиолетовой физиономией и следами застарелых побоев на лице. – В каком еще санатории? Я в жизни ни в каких этих санаториях не бывал! Скажите, мужики! – И он обвел окружающих обиженным взглядом, призывая их в свидетели.

– Так это, значит, вы – Михаил Борисович Кукушкин? – обрадовался участковый и придвинулся ближе к собеседнику.

– Ну, допустим, я, – ответил тот, поняв, что отпираться поздно. – Так какой еще такой санаторий?

– Санаторий «Солнечный берег», который на берегу озера!

– Никогда там не был! – отрезал Михаил Борисович.

– Михаил Борисович Кукушкин? – на всякий случай уточнил Василий. – Индустриальная улица, дом шесть, квартира сорок четыре?..

– Он самый, – подтвердил игрок.

– А где вы, Михаил Борисович, находились вчера в первой половине дня?

– Да здесь же и находился! – Кукушкин оглядел своих друзей, призывая их в свидетели. – Вот, мужики тебе подтвердят!..

– Ты подожди отпираться, Борисыч! – перебил его козлобородый. – Ты сначала спроси у товарища, какие такие вещи в том санатории оставлены. Может, и правда ценное что-нибудь, так зачем тогда отпираться?

– Не верь ему, Мишка! – вступил в разговор мужик с якорями на руках. – Ментам нипочем нельзя верить! Он насчет ценных вещей наверняка заливает, чтобы тебя на слове поймать. Ни в чем не признавайся, а мы все, что надо, подтвердим!

– Нет, постойте! – возмутился участковый. – Что значит – подтвердим? Лжесвидетельство – серьезное преступление!..

– Мы вообще играть сегодня будем? – подал голос четвертый доминошник, крепкий дед с крупной бородавкой на носу. – У меня душа горит за вчерашнее отыгаться!

– Так я вас последний раз спрашиваю, гражданин Кукушкин, – где вы находились вчера в первой половине дня: здесь или в санатории?

– А вы сначала скажите, какие там вещи остались, – не унимался козлобородый. – Может, дрянь какая-нибудь?

– Ты слышал, Мишка?! – прогудел мужик в якорях. – Он тебя уже гражданином назвал! Точно тебе говорю – хочет тебя этот мент под срок подвести!

В этот напряженный момент за спиной Василия раздался странный звук, отдаленно напоминающий скрип тормозов выдавшего виды «запорожца». Участковый обернулся на этот звук и понял, что его издала грустная коза. Она окончательно разочаровалась в пододеяльнике, который жевала до сих пор, и переключилась на простыню в бабочках и стрекозах, решив проверить ее вкусовые и питательные свойства. В то же время Василий увидел несущуюся от соседнего дома коренастую раскрасневшуюся бабенку в сиреновом ситцевом халате, вооруженную здоровенной деревянной скалкой.

Как известно, бейсбол не относится к популярным видам спорта в нашей стране, поэтому бейсбольные биты не попадают у нас на каждом шагу. Зато хорошую деревянную скалку можно еще найти во многих домах, а она является ничуть не худшим оружием ближнего боя, чем бейсбольная бита. Участковый Уточкин не раз видел, какие серьезные ушибы и даже более значительные травмы наносятся скалкой, поэтому с опаской следил за приближающейся особой и даже машинально потянулся к кобуре.

Однако тут же выяснилось, что скалка угрожала вовсе не ему.

– Ты, профурсетка окаянная, что же делаешь? – завопила бабенка, подбежав и обрушив свой гнев на грустную козу. – Ты что же, зараза непрописанная, вытворяешь?

Коза отскочила в сторону и завертелась, пытаясь избежать встречи со скалкой. При этом она окончательно стащила простыню на землю, чем еще больше разозлила хозяйку.

Пару раз огрев животное, женщина повернулась к доминошникам и заорала на пределе громкости:

– А ты, козел безрогий, куда глядишь? Я тебя зачем во двор выпустила? Чтобы ты с дружками своими по столу стучал? Я тебя выпустила, чтобы ты за Кларкой присматривал и за бельем тоже! А ты, балбес, и не думаешь...

– Валя! – пробасил Михаил Борисович, приподнимаясь из-за стола. – Я следил... а что мы тут играем, так кому от этого вред? Мы же, как говорится, приятное с полезным...

– Какое там приятное! – не унималась Валентина. – От тебя ничего приятного уже двенадцать лет не происходит, а пользы и вообще как от козла молока! Вон уже милиция по твою душу пришла! Что ты опять натворил?

– Ничего такого я не натворил! – пытался утихомирить жену Кукушкин. – Товарищ просто хочет выяснить, где конкретно я находился вчера поутру...

– Да где ты можешь находиться?! – вопила Валентина. – Ты только здесь и находишься – с дружками своими окаянными пиво хлещешь и козла забиваешь! И поутру, и посреди дня, и до самого вечера! Вы потому и любите так козла забивать, что сами чистопородные козлы!

– Постойте, гражданочка! – перебил женщину Василий, которому надоело выслушивать бурную сцену из супружеской жизни. – Значит, вы подтверждаете, что ваш муж, Михаил Бори-

сович Кукушкин, вчера находился здесь и никак не мог оказаться в санатории «Солнечный берег»?

– Он? В санатории? – Валентина громко расхохоталась. – Да кто его туда пустит? Вот мне бы, конечно, хорошо в санатории подлечить нервы, которые я через него расшатала!

– Значит, вы подтверждаете... – начал заново участковый.

– Ничего я не подтверждаю, не имею такой привычки, а только он точно здесь торчал, с утра до вечера.

И Валентина рассказала, что с утра выпустила мужа во двор, поскольку он есть все равно личность в домашнем хозяйстве бесполезная, а там, во дворе, может, хоть присмотрит за сохнувшим бельем и за пасущейся козой по имени Клара Цеткин, которая получила свою кличку за склочный характер. Но он, Михаил, даже на такую малость оказался не способен, как может видеть сам участковый...

– Ясненько-понятненько... – протянул Уточкин, выслушав страстный рассказ Валентины Кукушкиной, прерываемый в некоторых местах многословными сожалениями о своей неудавшейся жизни, – а тогда скажите-ка мне, гражданин Кукушкин, каким образом неизвестный злоумышленник проживал в санатории «Солнечный берег» по вашему паспорту?

– Чего? – Супруги дружно вылупили на него глаза. – Как такое случиться может?

– Хватит дурака валять, граждане Кукушкины! – рассердился Василий. – Говори, Михаил, кому паспорт продал? Дело серьезное, в убийстве тот тип из санатория замешан!

– Ми-иша! – взывала Валентина и тут же прикрыла рот рукой, вникая строгому взгляду участкового.

Коза Клара Цеткин, не помня обиды, подошла к хозяйке и ткнулась ей в колени печальной мордой.

– Да я ничего, – забормотал Михаил, – я никому... это ж документ, что я, не понимаю, что ли...

– Быть того не может, дома его паспорт! – Валентина отпихнула козу и понеслась домой. Василий подхватил расстроенного Кукушкина за локоть и повел его к подъезду.

– Я же говорил, что посадят! – напутствовал их тип в сиреневой майке с наколками на бицепсах.

В квартире Валентина Кукушкина рылась в ящиках комода, где хранила документы под бельем. На пол летели семейные трусы и атласные розовые лифчики поразительного размера, потом на свет появились сберкнижка, ее собственный паспорт и табель ученика девятого класса Кукушкина Вити с одними тройками, среди которых нечаянно затесалась четверка по физкультуре.

– Нету, – упавшим голосом сказала Валентина и плюхнулась на диван, потому что ноги ее не держали. Но тут же вскочила и с воплем «Паразит, совсем мозги пропил!» вцепилась мужу в жидкие волосенки.

– Спокойно, граждане, – Уточкин был наготове и ловко разнял супругов, – отношения потом выясните, а сейчас нужно с паспортом разобраться. Когда вы его в последний раз видели?

Выяснилось, что паспорт видели две недели назад, когда тот понадобился Михаилу, чтобы получить на почте посылку.

– От Люси, золовки, посылка пришла, – утирая слезы, сообщила Валентина, – они с мужем на Севере живут, вот рыбу соленую иногда присылают, очень хорошую... И главное, я ведь сама ироду этому, – она кивнула на мужа, – паспорт выдала, а как не дать, если посылка на его имя... А он как получил посылку, так и загудел, половину рыбы они с друзьями съели...

– А чего ж сама с ним не пошла? – поинтересовался участковый.

– Так смена у меня была! – Валентина всплеснула руками. – Я же работаю на птицефабрике! Кур полупотрошу! Как увидела я, что рыбы мало, так и отлупила его скалкой! А про паспорт из головы совсем вылетело...

– Да... либо посеял его по пьяному делу, либо на почте сперли, пока он ушами хлопал... – буркнул Василий, вставая.

– Что теперь делать? – Валентина снизу заглядывала ему в глаза. – Арестуете Михаила?

– Да кому он нужен-то! – с досадой ответил Уточкин. – Завтра с утра в отделение пускай идет и заявление напишет, что паспорт украли. А то не оберетесь потом неприятностей...

– Сама его отведу! – Валентина с готовностью закивала.

– Счастливо оставаться! – сказал на прощание Василий и вышел из квартиры в самом скверном расположении духа.

Эту ниточку следовало считать окончательно оборванной.

Вернувшись в деревню, Василий Уточкин увидел возле своего дома целых две машины, причем обе незнакомые. Одна – скромная, хоть и довольно новая, «Нива», вторая – синяя «хонда». Обе машины были сильно забрызганы грязью, что немудрено на проселочных дорогах.

На пороге участкового дожидались хозяева машин – гражданин интеллигентного вида в очках, с кожаной папочкой под мышкой, и средних лет священник в аккуратной рясе, с реденькой пейгой бородкой. Друг друга эти двое старались не замечать.

Увидев участкового, они оживились и двинулись ему навстречу.

– Здравствуйте, уважаемый! – внушительным басом проговорил мужчина в очках. – Позвольте представиться: Николай Николаевич Сретенский, из областного музея. Кандидат искусствоведения, между прочим. До нас дошли сведения, что в ваши руки попали большие художественные ценности...

– Здравствуй, сын мой! – высоким тенорком перебил Сретенского священник и протянул руку в благословляющем жесте. – Известно нам стало, что у тебя находятся принадлежащие Церкви священные предметы. Я – отец Никодим, и прислал меня к тебе владыка Антоний, дабы возвратить церкви ее законное достояние...

– Принадлежащие Церкви?! – возмущенно воскликнул Сретенский, как будто впервые заметив священника. – С какой стати они принадлежат Церкви? Всякая находка принадлежит государству, в данном случае, поскольку находка представляет собой художественную и историческую ценность, она должна перейти в ведение областного комитета по культуре и поступить в наш музей!..

– И речи быть не может! – перебил его отец Никодим. – Эти ценности были похищены захватчиками у Церкви, значит, они и должны быть возвращены Церкви! Владыка Антоний благословил меня на то, чтобы я возвратил их...

– Пойдите, пойдите! – остановил спорщиков участковый. – Вы, значит, про те находки говорите, которые из озера?

– Ну да, конечно! – подтвердил Сретенский.

– Вестимо, сын мой! – впервые согласился с ним священник.

– Так это пока никакие не ценности, а вещественные доказательства по делу об убийстве, – подвел итог Василий. – Даже по нескольким убийствам. И пока следствие не закончено – я их никому не могу отдать. У меня свое начальство имеется, милицейское...

– Мы непременно переговорим с вашим начальством! – заверил Василия музейщик.

– У владыки Антония тоже знакомства имеются среди властей предрежащих! – ревниво отозвался отец Никодим. – Так что пока еще неизвестно, как все повернется...

– Знаете что... – проговорил вдруг Василий. – Раз уж вы сюда приехали, взгляните на эти находки. Может, вы мне про них что-то важное расскажете, что поможет в расследовании!

– Охотно взгляну, сын мой! – оживился священник. – Прикоснуться к святыням – истинная радость для христианина!

– С удовольствием посмотрю! – отозвался Сретенский. – Кто же откажется от знакомства с художественными и историческими сокровищами, которые так долго были недоступны обществу!

Василий отпер двери. Принципиально не замечая друг друга, искусствовед и священник протиснулись в избу. Громко гремя ключами, участковый открыл замок на двери чулана, где хранились находки, и пропустил конкурентов внутрь.

Увидев содержимое ящиков, оба дружно ахнули и принялись перебирать сокровища, ревниво поглядывая друг на друга.

– Какая прелесть! – вздыхал Сретенский. – Этот оклад, несомненно, восемнадцатого века... а эта чаша, может быть, вообще семнадцатого...

Священник не отставал от него:

– Этот крест, может быть, носил сам преподобный отец Евстихий, окормлявший местную паству в позапрошлом веке! А этот оклад наверняка из тех даров, которые преподнес церкви купец первой гильдии Скоробогатов, достойнейший человек, церковный староста в предреволюционные годы!

– Я извиняюсь, – подал голос участковый. – Вам, конечно, интересно все эти вещички разглядывать, только для меня-то они вещдоки. У меня их завтра начальство заберет, отвезет в область, там они, конечно, будут сохраннее. А только пока они здесь, мне бы хоть что-то про них узнать, чтобы следствие с мертвой точки сдвинуть. Что это за вещи, как они в озеро попали, а самое главное – кто мог про них знать и что приблизительно находилось в том третьем ящике, который пропал? Я вам навстречу пошел, разрешил на всю эту красоту полюбоваться, так будьте уж так любезны, помогите и вы мне, если можете!

– Насчет этого ничего вам не могу сказать, – задумался Сретенский. – Я, как музейный работник, могу только установить, к какой школе относятся эти изделия и когда примерно их изготовили. На этом этапе изучения для меня, конечно, было бы особенно интересно составить их подробную опись...

– Опись бы хорошо составить, – вздохнул Василий. – А то вещички дорогие, мало ли что затеряется, а мне потом отвечать... не хочется быть крайним!

– Да вот, кстати, какой-то конверт! – Сретенский раздвинул чаши и кресты и извлек с самого дна ящика водонепроницаемый пакет, скрепленный печатью с орлом и свастикой. Торопливо вскрыв конверт, он извлек из него сложенный вдвое лист плотной желтоватой бумаги, по которому бежали строчки вычурных готических букв. – Я по-немецки немного понимаю, – проговорил искусствовед неуверенно. – Однако готический шрифт разбираю с трудом. Могу только сразу сказать, что это как раз и есть опись всего содержимого этого ящика. Думаю, что и во втором ящике мы найдем такой же конверт. Да, и еще могу прочесть имя того, кто составил опись. Вот тут, внизу, обычными буквами написано – штурмбаннфюрер Отто фон Армист. Судя по тому, как аккуратно и тщательно составлена опись, этот штурмбаннфюрер был человек образованный.

– Я, со своей стороны, – вступил в разговор священник, – могу посоветовать тебе, сын мой, поговорить с отцом Тимофеем, настоятелем Троицкой церкви в селе Узковатом. Этот достойный, уважаемый пастырь в весьма преклонных летах, и он прожил в здешних местах всю жизнь, так что может помнить и те давние события. А память у него очень хорошая, так что он расскажет тебе, сын мой, много полезного...

Двое конкурентов еще какое-то время любовались находками и наконец удалились, упорно делая вид, что не замечают друг друга.

Проводив их, Василий запер чулан на всякий замок и даже окна запер на шпингалеты, несмотря на то, что на улице стояла жара, хоть и близился вечер. Потом он напился кофе и

уселся в тенечке на завалинке покемарить, пока светло. Что-то ему подсказывало, что разумнее всего будет этой ночью не спать. А завтра с утра он ожидает машину из Веснянска, сдаст приехавшим под расписку ящики и вздохнет наконец спокойно.

Император вошел во дворец и почувствовал, как в его душе просыпаются прежние надежды. Его мечта осуществилась: он в Москве, в Кремле, в самом сердце России, в древнем дворце Рюриковичей и Романовых!

Что с того, что к нему не вышла русская делегация... у этих русских такие странные обычаи, их невозможно понять! Как там говорят... загадочная русская душа!

Мрачная, полусредневековая роскошь Кремлевского дворца вызвала в его душе удивление и странное, тревожное волнение. Он невольно сравнивал этот дворец с Фонтенбло, Версальским дворцом, Трианоном, с теми светлыми, просторными залами, к которым привык у себя во Франции.

Низкие сводчатые потолки, обилие позолоты и богатой вычурной резьбы, пышная лепнина, полутемные, заставленные золоченой мебелью комнаты казались ему варварскими и азиатскими – но в то же время величественными и впечатляющими. Парча и позолота, темные иконы в золотых окладах по углам...

Впрочем, этот дворец и должен быть таким, ведь Москва – это древняя столица огромной полуазиатской империи, – империи, занимающей неизмеримые, подавляющие воображение пространства...

Император на мгновение прикрыл усталые глаза.

Он победил русскую армию, он занял Москву, древнюю первопрестольную столицу России. Судьба кампании, судьба всей войны решена. Теперь только нужно передать императору Александру свои условия, дождаться его ответа – и можно будет покинуть эту варварскую страну, вернуться домой, в прекрасную Францию...

Император подошел к окну – и увидел мрачные, багровые отсветы пылающих домов и лавок торгового квартала.

Что ж, он поручил своим офицерам остановить пожары – а его приказы выполняются беспрекословно. Сотни опытных солдат под командованием герцога Тревизского заняты сейчас борьбой с огнем, еще несколько часов, самое большее – день, и огненная стихия будет побеждена...

К императору приблизился офицер свиты, доложил, что в торговом квартале схвачен поджигатель. Наполеон распорядился, и к нему привели мрачного бородатого детину с опаленными огнем бровями, с черным окровавленным ртом.

– Его били? – спросил император, брезгливо разглядывая поджигателя. – Как можно! Мы не варвары, кажется...

– Ваше величество, – ответил молодой офицер, щелкнув каблуками. – Солдаты не смогли сдержать возмущение при виде того, что делал этот мерзавец!

– Однако в моей армии должна быть дисциплина! – проговорил император, поморщившись. – Спросите его, кто приказал ему поджигать дома.

Переводчик проговорил несколько слов. Поджигатель не шелохнулся, не разомкнул разбитых запекшихся губ, только мрачно взглянул на нарядных французов.

– Он не отвечает, сир! – звонким, радостным голосом воскликнул молодой офицер. Он был полон гордости оттого, что находится так близко, рядом со своим императором, и, кажется, был бы счастлив умереть за него в эту минуту.

– Вижу, – Наполеон чуть заметно поморщился, подошел к поджигателю и повторил вопрос, глядя ему в глаза: – Кто приказал тебе поджигать дома? Отвечай честно, если хочешь сохранить свою жизнь! Граф Ростопчин?

Переводчик быстро, нервно, сбивчиво повторил вопрос императора по-русски.

На этот раз поджигатель открыл разбитый рот и проговорил хриплым, веселым голосом:
– Богородица велела!

– Он говорит, что исполнял приказ Девы Марии! – торопливо, испуганно выпалил переводчик. – Этот человек безумец, сир! Он не ведает, что говорит!

– Все они безумцы! – мрачно ответил император и отступил к окну. – Разве можно победить безумцев? Уведите его и расстреляйте. Расстреливайте всех поджигателей, которых сумеете поймать на месте преступления.

Он снова повернулся к окну.

Пожар в торговом квартале расширялся, огонь перекидывался на другие здания, с треском и грохотом рушились крыши домов, лавок и складов. Император почувствовал тяжелую, свинцовую тоску и обреченность. Да, он в Москве – но это не приносит ему никакого удовлетворения, никакой радости. Он в Москве – но так же далек от победы, как в самом начале похода.

Повернувшись, он встретился глазами со своим адъютантом графом де Сегюр.

– Вы понимаете, граф, что начнется в Европе, если не удастся остановить этот пожар? Каждый немецкий князек, каждая швейцарская купчиха будут твердить, что это мы сожгли Москву, что мы – варвары и мародеры! Весь цивилизованный мир объявит нас варварами и грабителями! Этого никак нельзя допустить!

– Вы совершенно правы, сир! – ответил де Сегюр. – Солдаты герцога Тревизского делают все, что возможно!

Император промолчал о главном, о том, что его действительно волновало, действительно беспокоило: он боялся, что столкнулся с силой непреодолимой, с силой стихии – стихией огня, стихией страшного, непобедимого, нерассуждающего народного гнева. С такой стихией не справилась бы никакая, самая могучая армия. Он боялся, что его победа обернется страшным, непоправимым поражением, крушением всех его надежд.

Впрочем, император французов Наполеон Бонапарт не был бы собой, если бы он поддавался всяким страхам и колебаниям. Он отбросил эти мысли и принялся диктовать де Сегюру письмо к русскому императору Александру с предложением мира – достаточно почетного, если учитывать результаты последнего сражения и то, что французская армия заняла Москву.

Вскоре императору доложили, что в одном из московских госпиталей нашли легко раненного русского штабного офицера. Этого офицера привели в Кремль, и Наполеон вручил ему письмо с просьбой доставить его императору Александру. Кроме того, он просил офицера на словах сообщить русскому царю о московских пожарах и о том, что французы к ним непричастны и, напротив, всеми силами пытаются их остановить.

К вечеру пожар в торговом квартале начал утихать, и император успокоился.

Однако ночью он проснулся от отдаленного гула.

Казалось, за окнами дворца бушует штормовое море или грохочет сокрушительная гроза. По стенам и потолку его опочивальни блуждали багровые отсветы.

Поднявшись, император подошел к окну, отодвинул тяжелую парчовую штору.

Москва пылала уже в разных концах. Дымные облака теснились над ней, то и дело озаряемые кровавыми сполохами. Император вызвал дежурного офицера и потребовал немедленно доложить, что происходит в городе.

Доклад был ужасным.

За ночь пожары вспыхнули в самых отдаленных концах города. Теперь уже не оставалось сомнений в том, что это результат поджогов: французы видели во многих местах людей с факелами, среди них встречались русские солдаты и полицейские. Поджигатели носились среди дыма и пламени, как настоящие демоны, ничуть не боясь французских солдат, не боясь самой смерти.

Говорили, что сигналом к поджогам послужил начавшийся еще до полуночи пожар во дворце князя Трубецкого и последовавший за ним поджог биржи. Поджигателей ловили и безжалостно расстреливали, но их не становилось меньше.

Кроме поджигателей, среди дыма и пламени носились мародеры, грабители, мужчины и женщины в лохмотьях, со злобными, зверскими и безжалостными лицами. Они добавляли беспорядка, добавляли ужаса в и без того ужасную картину пожара.

Кроме того, выяснилось, что многие жители, покидая свои дома, закладывали в печи и каминные гранаты и заряды пороха. Французские офицеры и солдаты, занимая брошенные хозяевами жилища, начинали топить печи – и погибали от страшных взрывов, за которыми следовали новые пожары.

Напуганные таким коварством, французы боялись входить даже в уцелевшие дома и грелись возле костров на улицах, чем еще более увеличивали опасность пожаров.

В довершение ко всему в городе распространился упорный слух, что в подвалах под Кремлевским дворцом хранятся огромные запасы пороха, так что стоит пожару перекинуться в Кремль – и все тут же взлетит на воздух, в одно мгновение погибнут сам император и лучшая часть его Великой армии...

– Кажется, эти варвары решили погубить меня ценой своей древней столицы... – проговорил император вполголоса. – Как можно воевать с такими безумцами?

– Простите, сир? – переспросил дежурный офицер, думая, что пропустил какой-то приказ.

– Ничего, – император застегнул верхнюю пуговицу сюртука и быстрыми шагами заходил по комнате, что-то обдумывая. Он не мог осознать, что столкнулся с решимостью противника, которая превзошла его собственную решимость.

Необычайное волнение охватило императора. Он быстрыми, нервными шагами ходил взад и вперед по своим апартаментам, мучимый беспокойством. То и дело он подходил к окнам, наблюдая за тем, как растет и ширится море огня.

– Что за люди! – воскликнул он, прижав руку к груди. – Какое ужасное зрелище! Это скифы!

От горящего города Наполеона отделяло обширное пустое пространство и Москва-река, однако, несмотря на такое значительное расстояние, оконные стекла в комнате императора стали уже горячими, а на железную крышу дворца непрерывно падали приносимые ветром пылающие головешки, так что расставленным там солдатам приходилось их непрерывно сбрасывать.

Вскоре в апартаменты императора вошли король Неаполитанский и принц Евгений. Едва ли не на коленях они умоляли его покинуть Кремль, считая, что здесь император вместе со Старой гвардией оказался в ужасной ловушке.

Однако Наполеон не хотел их слушать.

Он наконец завладел Кремлем и не собирался никому отдавать этот трофей – даже разъяренной огненной стихии.

Ему говорили о том, что под Кремлем заложены мины, – но император отвечал лишь скептической улыбкой и продолжал мерить быстрыми шагами комнату, останавливаясь у каждого окна и пристально следя за тем, как огонь уничтожает плоды его завоевания, как он охватывает его кольцом.

Дышать сделалось тяжело – вместо воздуха остался только горький, выедающий глаза дым. Ветер усиливался, раздувая пожар, словно и он был в сговоре с русскими.

Вдруг в коридоре раздался крик: «Пожар в Кремле!»

Император словно пробудился от оцепенения. Он вышел, чтобы оценить опасность, и увидел, что пылает тот самый дворец, в котором он находился. Солдаты гвардии потушили огонь, но все еще пылала башня над арсеналом. Вскоре оттуда выволокли русского солдата,

который и был поджигателем. Он не говорил ни слова и молча умер на штыках разъяренных гренадеров.

Все это наконец заставило императора решиться. Он спустился по северной лестнице, известной со времен Стрелецкого бунта, и приказал ехать за город по Петербургской дороге в Петровский дворец, находящийся недалеко от Москвы.

Однако вокруг Кремля бушевал огненный океан. Пламя охватило ворота крепости и не давало французам выйти из Кремля. После долгих поисков они наконец нашли во дворе подземный ход, ведущий к Москве-реке, по которому император с офицерами и гвардией сумел выбраться из охваченного огненным кольцом Кремля.

Но, однако, и это не избавило его от опасности. Напротив, теперь император и его спутники были значительно ближе к месту основного пожара и не могли теперь идти ни вперед, ни назад, ни вправо, ни влево. Со всех сторон перед ними расстиралось бескрайнее море огня, которое перекрыло все дороги к спасению. Те французы, которые прежде ходили по городу и знали расположение домов и улиц, теперь не узнавали местности, затянутой дымом и обравившейся в груду пылающих развалин.

Следовало спешно искать какой-то выход. Рев пламени становился все громче, и промедление в таких обстоятельствах было подобно смерти. Впереди виднелась единственная улица, узкая и извилистая, с обеих сторон охваченная огнем. Казалось, что это вход в ад.

Однако к императору вернулась его неизменная решительность. Пеший, лишь с двумя спутниками, он без колебаний устремился к этой единственной улице. Он шел среди рева пламени, среди треска рушащихся балок, грохота падающих кровель, как прежде не раз ходил среди неприятельского огня, и гвардейцы, не раздумывая, шагали вслед за своим полководцем.

Французы двигались по пылающей земле, между стенами огня. Нестерпимый жар обжигал легкие, палил глаза, горящие головешки то и дело падали на одежду.

И вдруг проводник, который вел императора и его свиту через огненный ад, остановился в растерянности: он не узнавал больше местность и не знал, куда дальше идти.

Казалось, тут и кончится славная жизнь Наполеона, тут и будет поставлена последняя точка в его русском походе.

И в этот ужасный момент из пламени показались закопченные лица.

Это были солдаты первого корпуса, которые занимались грабежом среди пылающего города. Они узнали среди дыма и пламени своего императора и вывели его из огненной ловушки к развалинам квартала, который еще вечером обратился в пепел.

Здесь императора встретил маршал Экмюль, тяжело раненный в Бородинском сражении. Маршал не мог идти самостоятельно, но велел нести себя на носилках через пылающий город, чтобы найти Наполеона или погибнуть.

Под конец свите императора пришлось преодолеть еще одну опасность – на ее пути встретился обоз с порохом, медленно продвигавшийся среди огненных стен.

Наконец, почти к утру, императору и его спутникам удалось добраться до Петровского дворца.

Немного отдохнув, Наполеон вышел из дворца и посмотрел в сторону Москвы.

Он все еще надеялся, что пожар затихнет. Но пламя не унималось, пожар бушевал пуще прежнего, и весь город казался огромным костром, окрашивающим небо мрачным багровым заревом.

Матвей заночевал в Веснянске, где были у него кое-какие служебные дела, с утра позвонил Василию Уточкину и узнал от него, что машина следствия закрутилась вовсю и родным убитых уже сообщили ужасные новости. Не всем, правда, потому что Виктор оказался круглым сиротой, вырос в детдоме и не успел обзавестись семьей. Оно и к лучшему, вздохнул Матвей.

Он понятия не имел, откуда взялись эти ребята. Он имел дело только с Андреем, остальных членов группы Андрей нашел сам. Матвей ему доверял, потому что рекомендовал его

солидный человек, давний партнер. Андрей ему сразу понравился – немногословный, серьезный парень, мастер своего дела. Остальные его не интересовали – лишь бы работа была выполнена в срок, а там ему с ними не детей крестить.

Черт его дернул связаться с этим делом! Решил осуществить давнишнюю мечту – деда развлечь!

Дед в последний год начал сдавать. На словах-то он бодрился, никак не хотел понимать, что силы кончаются и что в восемьдесят лет надо бы себя побережь. Зиму прожили в городе, деду было плохо в четырех стенах, потому что привык он к просторам и чистому воздуху, белому снегу и вольному ветру. Но осенью Матвей с великим трудом запихнул все-таки деда на обследование. И решение врачей было твердым: никакой самодеятельности. А в деревню не только зимой нельзя, но и летом одному там никак. Возраст не тот, сердце изношено, все же восемьдесят лет – не шутка. А в той глуши что случись – никто не поможет, не то что довести до больницы – приехать не успеют.

В общем, врачи Матвея сильно напугали, и он стоял насмерть: в деревню одному деду – ни ногой. Вот Матвей возьмет отпуск, тогда и поедут они вместе, будут рыбу ловить да грибы собирать.

С возрастом дед стал бухтеть и ворчать. Ворчал на Матвея за то, что тот много работает и дома появляется только к ночи, а квартира большая кому нужна, одному деду в ней хоть волком вой. Ворчал на телевизор за то, что показывает такую ерунду, а больше всего ворчал на домработницу Татьяну Тимофеевну. Та, надо сказать, за словом тоже в карман не лезла, иногда в доме разыгрывались такие баталии, что Матвей подумывал о том, чтобы снять где-нибудь подальше маленькую тихую квартирку и прятаться там хотя бы раз в неделю.

К лету деду стало получше, Матвей и правда решил взять в августе отпуск и отвезти старика в деревню. Заодно и Татьяна Тимофеевна от них отдохнет.

А пока суд да дело, ему показалось очень своевременным нанять бригаду для того, чтобы обшарить озерное дно на том месте, где немцы сбросили ящики. Это даже хорошо, что деда в деревне нету, он непременно прознал бы про ящики, на месте не усидел и вертелся бы у ребят под ногами, только мешал и лишнее внимание привлекал к поискам. Ох, не в добрый час пришла Матвею в голову мысль те ящики треклятые искать! И слава тебе господи, что дед теперь про весь этот кошмар ничего не узнает.

Матвей вырулил на шоссе и прибавил скорость. Джип полетел по шоссе как огромная черная птица. Это сейчас оно свободно, а потом, возле большого города, будет не проехать. Мимо мелькали стоящие вдоль дороги деревья, иногда проносились ветхие домики с обязательными кустами сирени и шиповника во дворах. От быстрой езды настроение стало получше, и он даже обрадовался звонку деда.

Дед с ходу начал ворчать и жаловаться на Татьяну Тимофеевну.

– Ходит и ходит, все окна пораскрывала, сквозняк устроила, кофе наливает – сущие помои...

Тут Матвей его понимал. Пребывая у Матвея в городе, дед пристрастился к хорошему кофе, как ребенок с восхищением смотрел на блестящую кофеварку и даже, по наблюдению Татьяны Тимофеевны, тихонько с ней разговаривал.

Но врачи вынесли твердый вердикт: при таком сердце крепкий кофе смерти подобен. И некрепкий тоже. Татьяна Тимофеевна получила строжайшие инструкции и, надо сказать, усердно их выполняла, тут Матвей всегда мог на нее положиться.

Домработница варила деду ячменный напиток, который походил на кофе так же, как коврики с лебедями, купленный на барахолке, похож на персидский ковер. Именно за это дед больше всего ненавидел Татьяну Тимофеевну.

– Ладно, дед! – прервал Матвей сердитое гуденье в трубке. – Не бухти! Приеду к вечеру – разберемся!

Он ехал весь день, остановился только пообедать в придорожном кафе. Черненькая девушка за стойкой улыбнулась ему и стала похожа на Надю – ту самую Надю, чье тело лежало сейчас в морге, ожидая отправки в родной город.

Матвей вздрогнул, на миг ему стало холодно в жаркий июльский день. Хорошая такая была девчонка, хотя он, Матвей, почти с ней не разговаривал. Она не лезла к нему, вела себя сдержанно, поздоровается, улыбнется скупой и отойдет в сторонку. Или доложит результаты своих исследований – тихо, но твердо. В работе своей разбиралась, хорошим бы специалистом стала... Именно это в ней Матвею и нравилось – что не лезла на глаза, не липла, не отиралась поблизости, не смотрела, облизывая губы, как кошка на сметану.

За последние годы, оставшись один, он привык к назойливому вниманию со стороны женского пола. Все девицы при первом знакомстве, осознав, что рядом обретается персона ростом под метр девяносто, с широкими плечами и ясным взглядом серых глаз, да к тому же упакованная в дорогой джип, задерживали на нем свой оценивающий взгляд. Джип хоть и дорогой, но шикарной машиной его не назовешь. Не потому что дешево стоит, просто сразу видно, что машина куплена для работы, а не для понтов. Матвей много ездил, а дороги в российской провинции только джип осилит. К тому же одевался Матвей нарочито небрежно, считая, что одежда мужчины должна быть чистой и удобной, а все эти лейблы ему ни к чему. Конечно, публику эпатировать он не любил, и если уж положен на какой-то прием смокинг, то нужно взять его напрокат и идти как все. Дело-то в том, что приемы, всевозможные вечеринки и банкеты Матвей ненавидел, считал это пустым препровождением времени. Некоторые полагают, что появляться на людях полезно – это делает рекламу бизнесу, можно встретить нужного человека и поговорить о делах.

Матвей считал, что о делах говорить нужно в офисе или уж пригласить партнера на обед. А на фуршетах и презентациях все равно никакого разговора толком не получится.

Поэтому девицы, видя его, ненадолго задумывались, стоит ли игра свеч.

Когда же становилось известно, что Матвей – владелец преуспевающего предприятия, просторной квартиры в центре города и еще чего-то там, девицы бросались на него, как хищники на добычу.

Матвей безумно устал от их зовущих взглядов, от волнующих, как думали они сами, прикосновений, от навязчивого запаха духов, от случайных встреч, от стука высоченных каблуков, от вихляющей походки.

На работе он такие вещи пресекал сразу. Как только посмотрит на него сотрудница искося, ресницами помашет, грудным смехом рассмеется, начнет слова томно растягивать или глаза опускать и краснеть при встрече, так он, Матвей, обязательно на нее наорет. Назовет если не душой, то к работе неспособной, укажет на ошибки в недопустимо грубой форме. Кто-то после такого в слезах убежит, а назавтра уволится, кто-то хама-начальника возненавидит, а кто все поймет правильно и начнет спокойно работать. Конечно, Матвей потом при случае извинится, и инцидент исчерпан. Что делать, хоть и жесткий метод, а действенный. Как известно, болезнь лучше предупредить, чем лечить. Вот он, Матвей, переболел этой любовью, нежностью и семейным счастьем в тяжелой форме, зато теперь у него иммунитет. Только девицы этого не знают и питают на его счет беспочвенные надежды.

Надя была не такая. Серьезная, умненькая девушка, двадцать один год всего.

Матвей тяжело вздохнул. Как ни крути, а четверо молодых, здоровых ребят погибли из-за него. Если бы он не втянул их в это сомнительное дело... Что же все-таки было в том ящике, если из-за него убили четверых?

Официантка принесла его заказ – холодный свекольник и большой кусок жареного мяса с овощами. И вовсе она не похожа на Надю, просто волосы такие же темные, прямые, и загорела сильно.

Матвей поел нехотя, хотя свекольник был вкусный, попросил еще кофе покрепче, потому что от жары и от усталости слипались глаза, и вышел на залитую солнцем площадку перед кафе. Позвонил деду, чтобы извиниться за резкие слова и сказать, что будет часа через три. Никто не снял трубку – наверное, домработница ушла в магазин, а старик проводит время перед телевизором, хоть и ругает нещадно все программы.

Тут Матвей тоже его понимает – если весь день в ящик пялиться, совсем отупеть можно. А что еще делать? – возражает дед. Гулять его Матвей только с Татьяной Тимофеевной отпускает, слаб еще старик. А это деду нож острый. Привык, понимаешь, по лесам в одиночку бегать, к независимости привык, к свободе. Надо будет старика в выходной за город вывезти.

А то еще примется дед Матвея пилить за то, что тот одинок. А сам-то? – вяло возражает Матвей. На что дед всегда отвечал, что у него-то корень на земле останется – это он, Матвей. Хорошо ли, плохо его вырастил, но старался. А что у Матвея никого нету, то в этом только он сам виноват. Серьезнее к жизни надо относиться, не пускать ее на самотек. Работа, конечно, важна, но и семья человеку необходима. Дети, внуки... И пойдет дед Матвея воспитывать. А он вроде и понимает, что дед прав, но ведь и жизнь-то свою изменить не в силах! Перегорело что-то у него в душе, не верит он больше в любовь и семейное счастье. Эх, Ленка, чертова кукла, что ж ты наделала!

Все началось с несчастья. Лучший друг Митька, с которым в армии два года спали на соседних койках и все делили пополам, рано женился. То есть это Матвей тогда полагал, что в двадцать четыре года рано терять свободу. И не для гулянок она нужна, свобода эта, а для работы. Они с Митькой тогда как раз бизнес организовывали, уставали как собаки, какие уж тут серьезные отношения. Так, на отдыхе подхватишь девчонку какую-нибудь, чтобы время провести, да и забудешь ее на следующий день. И отдыхали-то они тогда редко, не до того было. А тут Митька подвез как-то девушку на машине и прикипел к ней с первого раза. Как увидел Матвей ту девушку, так сильно удивился – худенькая, бледненькая, голос тихий, тоненький, на лице одни глаза. Вот глаза у Митькиной девушки были хороши – огромные, синие, когда она улыбалась, глаза просто сияли. А когда сердилась, глаза темнели и потухали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.